

0-789964

На правах рукописи

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна

**ФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена в Отделении истории Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Андреева Татьяна Васильевна

доктор исторических наук, профессор
Любичанковский Сергей Валентинович

доктор исторических наук, профессор
Поршнева Ольга Сергеевна

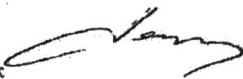
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО Пермский
государственный национальный
исследовательский университет

Защита состоится 16 ноября 2011 г. в 10.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (620026, г.Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Автореферат разослан « 9 » октября 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.Г. Неклюдов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000687640

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Современная актуализация теоретических и конкретно-исторических аспектов проблемы формирования гражданского общества в России вызвана как научным, так и практическим интересом. Обращение к историческому опыту становления гражданского общества в России обусловлено политическими и социокультурными задачами, стоящими перед нашей страной сегодня. В стратегии национальной безопасности современной России развитие гражданского общества рассматривается в ряду национальных приоритетов.

Оценка состояния современного гражданского общества в нашей стране является предметом общественно-политических дебатов в силу его объективной слабости, что сопровождается привлечением внимания к этой теме широкой общественности и властных структур. Перед гуманитарными науками стоит задача объяснить причины слабости гражданского общества в современной России и специфики российского исторического пути его построения и развития.

Марк Ховард, отвечая на вопрос, почему специалисты должны изучать гражданское общество, в русле современной историографии показывает позитивное влияние гражданского общества на процесс демократической консолидации, указывает на важность гражданского общества для создания и поддержания демократической системы¹. Если рассматривать проблему шире, то в современном научном дискурсе теоретико-концептуальные разработки, связанные с понятием гражданского общества, по выражению Адама Зелигмана, считаются тем «аналитическим ключом, который откроет тайны социального порядка».

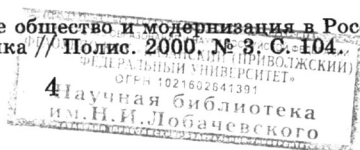
¹ Ховард Марк М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. Пер. с англ. И.Е. Кокарева. М., 2009. С. 58–62.

Всплеск теоретического интереса к концепции гражданского общества произошел в ходе перестроечных процессов в СССР и странах Восточной Европы с середины 1980-х гг., а в конце XX столетия — с появлением теории интернационализации гражданского общества и соответствующего неологизма — «глобального гражданского общества»². Вместе с тем, сохранился интерес к проблеме поливариантности формирования гражданского общества вообще и к российской модели в частности. Многообразие и специфика формирования гражданского общества в различных странах исторически были в значительной степени обусловлены особенностями протекания в них модернизационных процессов и цивилизационными отличиями. В этой связи исследование истоков гражданского общества в России способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу, от абсолютизма к новому политическому порядку, формированию ценностей правового государства и гражданского общества, современной демократии. Без анализа имперского и советского исторического опыта взаимоотношений общества и государства невозможно ответить на вопрос, почему в России гражданское общество по-прежнему относится к числу «самых страшных дефицитов» (выражение В.С. Библера). В этой связи А.Г. Володин пишет, что если проследить с помощью общеполитической и общеисторической теорий, в сравнительно-политологическом и сравнительно-историческом планах процессы формирования гражданского общества в России и развития его отношений с государством, то удастся лучше понять те драматические события, которые происходили в стране на исходе второго тысячелетия нашей эры (сегодня — уже на заре третьего тысячелетия — Е.К.), и «четче выявить генетический код», определяющий динамику ее политической жизни и специфику отечественной модернизации»³.

Формирование сферы гражданской деятельности генетически связано с возрастанием социальной активности граждан, способствующей политическому, экономическому и социокультурному развитию страны в целом, ее отдельного

² Globalisation and Its Challenges. University of Sydney. Desember 12–14, 2001. P. 3–40.

³ Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. № 3. С. 104.

региона или города. Важно обратиться не только к анализу общих схем и в целом российского исторического пути в этом направлении, но и разобраться в конкретных проявлениях этого процесса в российской периферии. Самостоятельного специального исследования требует городской аспект проблемы формирования гражданского общества в любой стране (и в России, в частности). Известный зарубежный исследователь Джон Кин, аргументируя свои убеждения примерами из европейской истории, подчеркивает тесную историческую взаимосвязь генезиса гражданского общества с урбанизацией, о чем свидетельствует и сама этимология ключевых слов. Институты гражданского общества возникают в городах. Гражданское общество — это общество горожан (гражданин — это горожанин — *civis*). В городах исторически формировались институты управления, города отстаивали свои свободы. Ученый использует термин «городское гражданское общество», вместе с тем отмечая, что «волнообразное» влияние городов значительно шире и распространяется на его округу, достигая национального масштаба и превосходя его⁴.

Европейский и российский исторический опыт подтверждают, что формирование институтов гражданского общества происходило, прежде всего, в городах. В городской среде вызревали гражданские ценности, формировались гражданские отношения, появлялись новые современные общественные структуры, которые сосуществовали с традиционными, постепенно вытесняя их или влияли на их модернизацию.

Объектом исследования являются уральский город во второй половине XIX — начале XX в. Города играли важную экономическую, социальную, культурную и политическую роль в дореволюционной России и эта роль возрастала в процессе урбанизации. Город рассматривается как активный и динамичный фактор развития в процессе перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, как фактор формирования и развития своеобразной российской цивилизации. В данной работе исследовательское внимание фокусируется на официально признан-

⁴ Civil society: Berlin Perspectives, Oxford / New York, 2006. P. 1–39.

ных городах, т.к. лишь они обладали особой административно-управленческой функцией.

Предмет исследования — формирование сферы гражданской деятельности в российском провинциальном городе — общественной сферы, занимающей промежуточное звено между государством и личностью. Предмет исследования ограничивается социальным феноменом гражданского общества, в структурном отношении — историей легальных общественных структур, которые существовали в уральских городах во второй половине XIX — начале XX в.: городских сословных корпораций, городского общественного управления, различных светских общественных организаций (за исключением политических партий и кружков) и религиозных обществ. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что в отличие от Европы, где ключевую роль в процессе формирования гражданского общества играла политическая активность, в России гражданская активность проявлялась, прежде всего, через неполитические организации.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX — начало XX в., который часто определяют как самостоятельный, достаточно автономный период российской модернизации (и ее субпроцесса — урбанизации). Нижняя хронологическая грань объясняется реформами 1860–1870-х гг., которые внесли значительные изменения в общественную жизнь российского города, дали толчок развитию гражданских инициатив. Что касается верхней грани, то ее надо связывать с теми значительными переменами в развитии страны в целом и Урала, в частности, которые наблюдались в связи с началом Первой мировой войны. Вторая половина XIX — начало XX в. характеризуется исследователями как эпоха общественных перемен, перелом, который в ходе реформирования и индустриализации привел к формированию новых социальных слоев и институтов формирующегося гражданского общества, возникновению общественности. В этот период «динамичной модернизации», или точнее — раннеиндустриальной модернизации, заметно эволюционировала сама модель модернизации, которой были присущи черты европеизации, главенствующая роль государства и бюрократии в осуществлении модернизационного пе-

рехода, но, вместе с тем, все заметнее становилась роль общественных элементов в процессе модернизации.

Территориальные рамки включают границы Пермской губернии – самой обширной губернии Уральского региона с наибольшим количеством городов. Определение территориальных рамок объясняется важностью проведения конкретно-исторических региональных исследований проблемы, в том числе на материалах Урала с учетом его специфики. Процессы модернизации и вызревания гражданских отношений в обширной Российской империи корректировались в различных ее частях восприимчивостью/нечувствительностью местных цивилизационных субстратов к инновациям и новому образу мышления. Региональные особенности Уральского края обусловлены следующими причинами: социально-экономическими факторами (ролью промышленности и длительным господством крепостничества), а также единством природно-климатических условий и общностью исторических традиций. В силу горнозаводской специализации региона уральские города также имели свою специфику.

Пермская губерния делилась на 12 уездов, с соответствующим числом уездных и тремя безуездными городами. По первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) городское население Пермской губернии составляло приблизительно 6% от общего числа жителей в губернии. Более значительными по числу жителей были города Пермь, Екатеринбург, Ирбит (с известной ярмаркой), Кунгур и Шадринск. Из уральских губерний Пермская губерния является наиболее показательной для исследования. Города этой губернии были в числе передовых по многим экономическим и социокультурным показателям.

Целью данного исследования является выявление региональной специфики формирования сферы гражданской деятельности в городах Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX в. Уральский город рассматривается через призму понятия «местное общество», как его интерпретирует Лутц Хефнер: «Местное общество и связанный с ним стиль жизни нельзя рассматривать как существовавшую априори социальную формацию с четко обрисованным каноном ценностей в духе «реального коллектива». «Местное

сообщество» означает систему истолкований и коммуникаций гетерогенных социальных групп, различных дискуссионных пространств и систем ценностей, которая в идеале через общественность приводит к единому типу деятельности. Основным принципом местного общества являлась самоорганизация, которая находила выражение в различных ассоциациях и самоуправляющихся институтах»⁵.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) выявить существовавшие во второй половине XIX – начале XX в. основные формы общественной организации горожан и проанализировать их эволюцию;

2) раскрыть состав, деятельность и значение сословных корпораций и институтов их самоуправления в общественной жизни уральских городов;

3) определить вклад городского самоуправления в формирование сферы гражданской деятельности;

4) исследовать современные формы самоорганизации в городах Урала, связанные с появлением общественных организаций, дать типологию и характеристику отдельных видов общественных организаций;

5) оценить значение феноменов общественной благотворительности и социального предпринимательства;

6) исследовать религиозный аспект генезиса сферы гражданской деятельности в уральском городе;

7) дифференцировать исторические этапы в процессе формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе;

8) определить характер взаимоотношений общественных институтов и государственной власти;

9) установить историческое значение процесса формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе и влияние гражданских институтов на социокультурное и экономическое развитие российской периферии.

Методология исследования базируется на использовании основных научных принципов познания (историзм, объективность, системность и комплексность). В исследовании присут-

⁵ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 52.

ствуют элементы междисциплинарного подхода, который выражается в сочетании методов и приемов, используемых в исторических трудах в русле социальной истории, социологических, политологических и философских исследованиях.

Теоретико-методологические основы исследования связаны с концепцией гражданского общества. Использование в исторических исследованиях категории гражданское общество имеет два основания: 1) конкретно-историческое, заключающееся в факте существования в имперской России определенных структур, в которых воплотился импульс к формированию гражданского общества; 2) методологическое — использование понятия гражданского общества к исследованию общества в России, которое способно быть тем веберовским идеальным типом, сопоставление с которым может характеризовать феномен⁶. С теоретико-концептуальной точки зрения важно подчеркнуть, что процесс формирования сферы гражданской деятельности — важный субпроцесс модернизации, один из ярких индикаторов ее социокультурных последствий.

Гражданское общество рассматривается как феномен поведенческий и институциональный. В эмпирическом плане внимание фокусируется на общественных институтах, организациях и ассоциациях. Институциональный подход акцентирует способность организаций гражданского общества служить защитой гражданских интересов. Историко-институциональный подход внес свой вклад в понимание симбиоза государства и гражданского общества.

В работе использовались традиционные для исторической науки методы познания, среди которых решающую роль занимали историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный.

Научная новизна исследования заключается в использовании концепции гражданского общества для изучения общественной жизни уральского города во второй половине XIX — начале XX в. Диссертационная работа углубляет понимание специфики формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса российской модернизации. Впервые в историографии на примере городов Среднего Ура-

⁶ Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998. С. 5–6.

ла второй половины XIX – начале XX в. дан обобщающий теоретико-эмпирический анализ социального аспекта проблемы формирования сферы гражданской деятельности: комплексно рассмотрены гражданские институты, дана их типология и характеристика, проанализирована численность и результаты деятельности. В исследовании дифференцированы этапы гражданского развития, обусловленные в значительной степени государственной политикой и общим ходом исторического процесса, рассмотрена модель взаимодействия городских общественных структур с органами государственной власти, дана оценка эффективности отдельных гражданских институтов, показано значение процесса формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в.

Практическая значимость работы. Работа может быть полезна и интересна представителям местного самоуправления и вообще общественным деятелям с точки зрения исторического опыта самоорганизации общества. Теоретические наблюдения автора доказывают возможность и целесообразность применения концепции гражданского общества для исследования общественной жизни российского города в имперский период истории и актуальны в свете современных дискуссий о перспективах гражданского общества в России.

Научные результаты диссертации, введенные в научный оборот источники могут быть использованы при подготовке учебников и учебных пособий по истории России и Урала во второй половине XIX – начале XX в., исторической урбанистике и исторической регионалистике. Итоги диссертационного исследования могут применяться при подготовке специальных курсов по проблемам генезиса гражданского общества в России, формировании гражданской культуры, истории взаимоотношений общества и власти.

Апробация исследования. Ключевые положения и результаты исследования отражены в 2 авторских монографиях, в разделах 5 коллективных монографий, 88 статьях и материалах докладов на научных конференциях (104 работы объемом 98 п.л.).

Основные положения диссертации представлялись в виде докладов и сообщений на конференциях: за рубежом (Ли-

верпуль, Англия, 2006; Хельсинки, Финляндия, 2010; Барановичи, Респ. Беларусь, 2010); международных (Санкт-Петербург, 2004, 2005; Екатеринбург, 2003, 2006; Миасс, 2008; Березники, 2009; Пятигорск, 2010; Череповец, 2010); российских (Тобольск, 2000; Ижевск, 2001; Екатеринбург, 2000, 2002, 2005, 2008, 2009, 2010, 2011; Челябинск, 2003; Нижний Тагил, 2007; Москва, 2008, 2009, 2010; Пермь, 2008; Сочи, 2009, Курган, 2011), региональных (Екатеринбург, 2000, 2001; Соликамск, 2003; Кунгур, 2004, 2009, 2011; Оренбург, 2009, 2011).

Рукопись диссертации обсуждена на заседании Отделения истории Института истории и археологии УрО РАН.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность и новизна темы диссертации, определены ее объект и предмет, цели и основные задачи, аргументированы хронологические и территориальные рамки, изложена методология, даны дефиниции основных понятий и терминов, сформулирована научно-практическая значимость работы.

В **первой главе «Историографические и источниковедческие аспекты проблемы формирования сферы гражданской деятельности в России»** анализируется историческая литература по теме, характеризуется источниковая база исследования. В **первом параграфе** рассматривается **«Историографическое осмысление проблемы формирования гражданского общества в России»**, анализируются ключевые дискуссионные аспекты проблемы, рассматривается история изучения отдельных институтов гражданского общества. Теоретическое и эмпирическое исследование проблемы формирования гражданского общества в России фактически началось в постсоветское время. В работах ученых-гуманитариев модель гражданского общества в имперской России рассматривается преимущественно как социальный феномен, что обусловлено особенностями политических процессов в дореволюционной России.

Уже первые исследовательские шаги в этом направлении породили серьезные научные дискуссии, актуальность и острота которых сохраняется по настоящее время и требует своего осмысления. В полифонии мнений различается и голос ученых-скептиков, которые поставили под сомнение вопрос о существовании гражданского общества в имперской России (например, Н.А. Проскурякова, Е.А. Дегальцева, Ю. Обертрайс). Убедительнее звучат многочисленные голоса историков из другого лагеря, которые признают, что после Великих реформ в России шел интенсивный процесс формирования сферы гражданской деятельности. Многие исследователи достаточно объективно оценивают историческую действительность, подчеркивая, что на рубеже XIX–XX в. гражданское общество в России находилось на начальной стадии становления, что речь идет о вызревании отдельных элементов гражданского общества. Такую позицию занимают отечественные историки — З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, Ю.В. Гридчин, А.И. Черных, Л.М. Романенко, А.Г. Володин, Л.Г. Захарова, В.Г. Чернуха, Б.Н. Миронов, А.С. Туманова, Г.Н. Ульянова, И.В. Побережников, Н.А. Невоструев, О.С. Поршнева, С.В. Любичанковский и другие; зарубежные — Дж. Бредли, А. Линденмейер, Д. Брауэр, Л. Хэфнер. З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, Ю.В. Гридчин, А.И. Черных, Л.М. Романченко отмечают, что в нем еще очень слабы были и третье сословие, и средние слои; на начальной стадии находились политические партии, общественные движения и организации; достаточно ограничен был их опыт парламентской и государственной деятельности⁷.

Интересный спектр мнений обнаружился в ходе дискуссии на секции «Горожане и граждане: Города и формирование гражданского общества» в рамках международного коллоквиума «Культуры городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков» (Санкт-Петербург, 2004 г.). Опубликованные материалы этой дискуссии в значительной степени отражают современные оценки и спорные аспекты проблемы эволюции российского города и генезиса гражданского общества в России.

⁷ Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романченко Л.М. Становление гражданского общества стратификация // Социс. 1995. № 6. С. 21.

Одним из остро дискуссионных аспектов проблемы является вопрос о предпосылках и времени зарождения гражданского общества в России. Б.Н. Миронов полагает, что «о зарождении гражданского общества вместе с интеллигенцией и общественным мнением, независимым от официальной точки зрения, которое официальные власти признавали и учитывали, можно говорить не ранее последней трети XVIII в.»⁸. А. Каменский считает, что «гражданское общество, благодаря реформам Екатерины в России, конечно же, не возникло, да и не могло возникнуть в условиях самодержавия и социального порядка, основанного на крепостничестве»⁹.

После отмены крепостного права, считает Б.Н. Миронов, в России «в развитой форме проявились основные элементы гражданского общества — общественное мнение, независимая пресса, политические партии, представительные организации и добровольные ассоциации»¹⁰. По мнению Л.Г. Захаровой, Великие реформы «открывали путь для создания гражданского общества в России»¹¹. Эпоха Великих реформ в России рассматривается многими исследователями как важный шаг к правовому государству и гражданскому обществу. В.Г. Чернуха пишет: «...эпоха «великих реформ, решая многочисленные вопросы модернизации своей военной, экономической, социальной системы, объективно отчасти решала и проблему создания правового государства». В этот период меняются взаимоотношения власти и общества, российская власть все более сталкивалась с тем фактом, что «часть подданных перешла в категорию граждан и что с этой частью населения следует считаться, давая ей некоторую информации, пояснение своих действий, раздавая обещания, переходить от монолога к диалогу»¹².

⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 262.

⁹ Каменский А. Юбилей упущенных возможностей // Родина. 2010. Февраль. С. 31.

¹⁰ Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в поздней имперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С. 191–192.

¹¹ Захарова Л.Г. Великие реформы в России // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.

¹² Чернуха В.Г. Эпоха «великих реформ» — шаг на пути от полицейского к правовому государству // Граждано́генез в России. Брянск, 2009. Кн.1. С. 65, 75.

Грегори Фриз отмечает, что Великие реформы способствовали появлению широкого спектра социальных, административных и культурных институтов. Большинству из них были присущи принципы всеобщности, гласности и отчетливая готовность следовать западным моделям. Более того, — пишет он, — «большинство реформ стремились передать власть — и ответственность — от государства к обществу или конкретным социальным группам». Зная, что государству не доставало способности или даже финансовых средств для модернизации, реформаторы пытались высвободить собственные живые силы общества и создавать структуры (от земства до приходских советов), где местная инициатива могла бы субсидировать развитие¹³.

В России процесс формирования основ гражданского общества, подчеркивает А.Н. Невоструев, инициировался государственной властью в ходе земской и городской реформ 60–70-х гг. XIX в., что обеспечивало ей контроль над происходившими процессами в стране, и удерживало новые учреждения от вхождения в политическую сферу. Историк акцентирует внимание на российской специфике: «Еще одной существенной особенностью является то обстоятельство, что наряду с городским самоуправлением в России создаются уникальные учреждения, не имеющих аналогов в мировой практике, ставшие одним из важнейших элементов гражданского общества, — земские организации¹⁴.

В спектре мнений, высказанных в современной историографии, есть точка зрения о зарождении гражданского общества в начале XX в. Недооценивая социальные изменения второй половины XIX в., способствующие формированию гражданского общества в России, В. Хорос связывает его появление с реформированием политической системы в России в начале XX в. По его мнению, история гражданского общества в России начинается лишь после 1905 г.¹⁵

¹³ Freeze G. Reform and Counter Reform 1855–1890 // Russia a history. Oxford, 2009. P. 212–213.

¹⁴ Невоструев Н.А. Образование и развитие элементов гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 4–5.

¹⁵ Хорос В. Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 53.

Еще одним аспектом проблемы генезиса гражданского общества в России является вопрос о его социальной базе. В.Я. Гросул заключает, что именно в петровскую эпоху (в первой четверти XVIII в.) происходило зарождение общества как особого социального организма (промежуточного звена между властью и народом), основой которого первоначально являлось дворянство и к которому постепенно в XVIII–XIX вв. присоединялись выходцы из других сословий (включая духовенство, купцов, мещан, крестьян и рабочих). По мнению Б.Н. Миронова, в состав общества первоначально входило все дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения¹⁶. Оно было корпоративным, но со временем в нем все больше стирались межсословные отличия и общество «превращалось в организм буржуазного типа»¹⁷. Н.А. Невоструев указывает, что «в этом случае за рамками исследования остался довольно влиятельный и многочисленный слой земских служащих. Из гражданской жизни выпало женское движение и его организации»¹⁸. А. Линденмейер подчеркивает, что с ростом урбанизации, отменой крепостного права, ускорением экономического развития расширялась социальная база гражданского общества, в нее все активнее включались образованные женщины, которые занимались благотворительностью и иными видами общественной деятельности¹⁹. В сферу гражданского общества А. Линденмейер включает не только светские, но и религиозные общества.

В диссертационной работе В.В. Волкова акцентируется внимание на терминах «общество» и «общественность»²⁰. По сути исследователь разделяет убеждения авторов известной книги «Между царем и народом», которые под «обществом» и «общественностью» подразумевают «образованное общество» в его значении, близком к «публичной сфере»

¹⁶ Гросул В.Я. русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 492–493.

¹⁷ Там же. С. 496.

¹⁸ Невоструев Н.А. Образование и развитие элементов гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 6.

¹⁹ Lindenmeyr A. Poverty is not a vice. Princeton, New Jersey, 1996. P. 123.

²⁰ Волков В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: Дис. ... канд. социол. наук: Кембридж, 1995. 192 с.

или «гражданскому обществу»²¹. Сегодня все чаще в исторической науке используется понятие “общественность”, которое отражало общую идентичность для различных социальных групп, образующих среднюю страту «между царем (или верхушкой бюрократии) и народом». Исследователь подчеркивает, что понятие общественность становилось все более популярным в связи с двумя новыми процессами, сопровождавшими реформы 1860-х гг.: первый касается развития независимой коммерческой прессы, особенно массовых по тиражу газет, что способствовало формированию общественности как публичной сферы (сферы публичных дебатов и общественного мнения); второй аспект развития общественности был связан с практиками местного самоуправления. В.В. Волков суммирует свои наблюдения: «к началу ХХ в. общественность ассоциировалась с критическим общественным мнением и группами людей, выполняющих общественные обязанности или работающих на общие нужды»²². Автор пишет об объективной сложности и специфике рассматриваемого предмета: «Дискурсивно *общественность* не принадлежит к риторике социальных классов. За этим понятием стоит то, что можно назвать диффузными (размытыми) социальными формами». Принадлежность к общественности, по убеждению автора, не является формальной (как членство), скорее это дискурсивная (через мнение) или практическая (через действие) принадлежность²³.

Проводя аналогии с Европой, исследователи приходят к выводам: «Если в Европе основную роль в формировании идей гражданского общества играли представители «третьего сословия», то в Российской империи, в силу чрезвычайной слабости «третьего сословия», традиционном консерватизме дворянства, к 1860-м гг. сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: движение в сторону государственных преобразований возглавило... само государство». Самодержавная монархия подталкивалась к этим преобразованиям «обществом», и одним из «толкачей» оказалась интеллигенция²⁴.

²¹ Between Tsar and People. Educated society and the quest for public identity in late imperial Russia. Princeton, New Jersey, 1991.

²² http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Volkov.pdf

²³ Там же.

²⁴ Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романченко Л.М. Указ. соч. С. 18.

А.И. Черных подчеркивает: «Небуржуазность российского общества, похоже, во многом предопределила в нем громадную весомость «мыслящего меньшинства»²⁵. Анализируя общественную жизнь в имперской России, еще исследователи советского периода указывали на значимость гражданской деятельности интеллигенции, ее культурно-просветительской миссии²⁶. Интеллектуальная элита вынашивала свои идеи гражданского развития. По мнению авторов издания «Судьбы гражданского общества в России» общественная мысль России XIX–XX вв. выдвинула большое число проектов модернизации и обновления страны, каждый из проектов опирался на определенный социальный идеал, в русле которого конструировались соответствующие ему версии гражданского общества будущей России. При этом сам термин «гражданское общество» мог и не употребляться. Главной отличительной чертой либерально-консервативных версий гражданского общества, например, было признание за государством ведущей силы в социальном преобразовании России и формировании гражданских институтов. Другой существенной чертой теоретиков того времени был духовный реформизм и убежденность в приоритете духовных ценностей над политическими, вера в то, что политическим, институциональным преобразованием должны были предшествовать изменения в массовом общественном сознании²⁷. Эти изменения в массовом общественном сознании были обусловлены некоторыми успехами российской модернизации в целом и ее отдельных регионов²⁸.

В историографии получил освещение вопрос о формировании структур гражданского общества в имперской России. Важно отметить вклад этнографов в исследование истории отдельных общественных институтов и форм самоор-

²⁵ Черных А.И. Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социс. 1994. № 8–9. С. 174.

²⁶ См. подробнее: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция во второй половине XIX в. М., 1971.

²⁷ Судьбы гражданского общества в России. Т. 1. Версии гражданского общества в общественной мысли России XIX–XX вв. Екатеринбург, 2004. С. 8–10.

²⁸ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 50–72; Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. Екатеринбург, 2005. С. 85–213.

ганизации горожан. Л.А. Анохина, В.Ю. Крупянская и М.Н. Шмелева обращались к анализу общественного быта горожан²⁹. Другие исследователи изучали такие аспекты общественного быта российского города как городское самоуправление, особенности общественной жизни отдельных сословно-профессиональных групп горожан, религиозную жизнь, общественные формы проведения досуга и отдыха, городские праздники³⁰.

Что касается первоначальной школы гражданственности в России, то речь идет прежде всего об институтах общегородского уровня самоуправления и сословных самоуправляющихся обществах. Грегори Фриз отмечает двойственную природу сословных корпораций в России. Русское слово «сословие» сочетало этимологические идеи «государственного института» и «общественной группы»³¹. Вместе с тем, в историографии подчеркивается, что объединяющей силой для самых многочисленных сословий (крестьян и мещан) были не права и привилегии, а обязанности перед государством (податной статус); констатируется межсословная мобильность, присущая российским подданным, дисбаланс между сословными правами и функциями и их реализацией (ярким примером является сословие мещан).

Анализируя социальный аспект в деятельности сословных корпораций, исследователи признают их некоторую значимость с точки зрения защиты и собственно общественных интересов и хотя бы частичного решения некоторых социальных вопросов. Г.Н. Ульянова, исследуя благотворительность московских предпринимателей в 1860–1914 гг., обращаясь к двум наиболее важным с точки зрения поглощения и реализации предпринимательских благотворительных капиталов института — Московскому городскому об-

²⁹ Анохина Л.А., В.Ю. Крупянская, Шмелева М.Н. Быт и его преобразование в период построения социализма // Советская этнография. 1965. № 4. С. 18.

³⁰ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Куприянов А.И. Общественный быт горожан Западной Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1987; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Ключина, Л. Хэфнер. Ульяновск, 2000; Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

³¹ Там же. С. 125, 131, 133.

щественному управлению и Московскому купеческому обществу — подчеркивает, что «оба эти института представляли собой в российских условиях структурообразующие элементы гражданского общества». По мнению исследователя, на это указывают принципы, лежащие в основе их деятельности, прежде всего, самоуправление и самофинансирование³².

Н.А. Иванова и В.П. Желтова называют всю ключевые признаки сословия: законодательное закрепление социальных функций, то есть занятий, сословных обязанностей и прав; передача их по наследству; наличие сословных корпоративных организаций, осуществлявших сословное общественное управление; участие сословий в местном сословном и государственном управлении³³. Н.А. Иванова и В.П. Желтова видят в сословиях сочетание государственного института, общественного, корпоративного начала, а деятельность сословных корпораций считают одним из главных показателей степени зрелости сословного общества³⁴.

История самоуправляющихся сословных корпораций в отдельных российских регионах остается слабо исследованной. В частности, что касается мещанских обществ, то в литературе (работах П.Г. Рындзюнского, Д. Брауэра, М. Хайтл) приводятся лишь самые общие сведения. А.П. Каплуновский впервые на конкретно-историческом региональном уровне (на материалах Казанской губернии 1870–1918 гг.) обратился к изучению истории русской мещанской общины. Автор пришел к выводу о том, что и после городской реформы 1870 г. «мещанская община продолжала оставаться неотъемлемой частью городского общественного быта, распространяя свое влияние также и за его пределы — в сферу экономических занятий горожан»³⁵.

Б.Н. Миронов доказывает, что пребывание мещан и ремесленников в обществах потеряло экономический смысл, так как их деятельность стала носить преимущественно

³² Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 9.

³³ Иванова Н., Желтова В. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010. С. 12.

³⁴ Там же. С. 14.

³⁵ Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (этно-историческое исследование). Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 7–8, 20.

благотворительный характер. «Дело в том, — пишет исследователь, — что сословный строй де-факто умирал, но еще сохранялся де-юре. А раз он продолжал существовать, то закон требовал, чтобы сословные организации также продолжали действовать и выполнять возложенные на них государством функции. Эти функции кое-как и выполнялись. Что же касается самых важных прежде функций — производственной, фискальной, социальной защиты и судебной, то они либо умерли, либо умирали»³⁶. Близкая точка зрения была высказана В.В. Белослудцевой, на примере Перми начала XX в. проанализировавшей эволюцию мещанства и мещанского самоуправления³⁷. Отмеченные расхождения объясняются узостью источниковой базы исследовательской проблемы. Очевидна необходимость ее расширения, в том числе за счет привлечения данных по таким крупным регионам, каким является Урал.

Что касается степени исследованности проблемы общегородского общественного самоуправления на Урале во второй половине XIX — начале XX в., то в постсоветский период исследователями был сделан существенный научный задел, проведены эмпирические исследования на материалах отдельных губерний и городов, защищены кандидатские диссертации, написаны фундаментальные научные труды, позволяющие делать определенные теоретические обобщения³⁸.

Российская модель формирования гражданского общества и история городского самоуправления анализируется другими учеными в цивилизационном измерении. Е.С. Шматова заключает: «В условиях евразийской цивилизации рос-

³⁶ Миронов Б.Н. Социальная история ... С. 502–507.

³⁷ Белослудцева В.В. Мещане и мещанская управа в Перми в начале XX века // Страницы прошлого: Избр. мат. краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2003. Вып. 4 С. 94–97.

³⁸ Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. М., 2003; Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX – начале XX вв. Екатеринбург, 1999; Галлямова З.В. Городское самоуправление второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам города Вятки). Киров, 2005; Мясников С.В. Самоуправление уездных городов Вятской губернии в 70-х – начале 1890-х гг. Казань, 1997; Ярома О.В. Городское самоуправление Пермской губернии в период с 1905 г. по февраль 1917 г. Пермь, 2005.

сийский муниципализм формировался под глобальным влиянием этатизма и патернализма как генерализующих основ российского имперского государственного механизма, непосредственной зависимости населения от государственной политики, влияния ценностей православия, соборности и общинного менталитета³⁹. В ее работе и в современной историографии в целом продолжается осмысление трудов дореволюционных ученых и общественных деятелей о природе городского самоуправления, в частности, А.И. Васильчикова и В.М. Гессена. Актуальны и в настоящее время исследования М.Б. Горенберга⁴⁰, П.П. Гронского⁴¹, Б.Н. Чичерина⁴².

В контексте анализа историографии городского самоуправления как важной составляющей сферы гражданской деятельности в имперской России следует отметить новые достижения и труды Санкт-петербургских историков и, в частности, известного специалиста в этой области В.А. Нардовой⁴³ — автора фундаментальных работ по истории городского самоуправления пореформенного времени⁴⁴. В.А. Нардова обратилась к истории звания «почетный гражданин города». Исследователь подчеркивает, что предоставленная органам городского общественного самоуправления в результате проведения городских реформ известная самостоятельность разбудила общественную самодеятельность и инициативу, способствовала существенным переменам в жизни российского города, росту гражданского самосознания.

Среди зарубежных работ необходимо назвать книгу Д. Брауэра, посвященную истории российского города вто-

³⁹ Шматова Е.С. Муниципализм на Западе и в России: цивилизационные модальности и социальные организации: дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 3–25.

⁴⁰ Горенберг М.Б. Очерки русского городского права. Петроград, 1916.

⁴¹ Гронский П.П. Децентрализация и самоуправление. СПб., 1913. С. 4–5.

⁴² Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 750.

⁴³ См. например: Петербургская городская дума, 1946–1918. СПб., 2005. С. 18; Нардова В.А. Городские головы — почетные граждане городов в дореволюционной России // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009. С. 32–46.

⁴⁴ Нардова В.А. Городское самоуправление и городские думы в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994.

рой половине XIX в. Автор монографии подчеркивает, что если до середины XIX в. российский город в его институциональных формах представлял власть имперского государства, то в конце столетия, несмотря на сохранение контроля со стороны государства, усилилось значение общественных институтов, в частности, городского самоуправления. Д. Брауэр считает целесообразным применение теории Юргена Хабермаса (его концепта «гражданской общественной сферы») для исследования общественной жизни в России конца XIX в. Вслед за Ю. Хабермасом исследователь акцентирует внимание на доступности общественной сферы для других социальных групп и слоев, помимо буржуазии, и гласности общественных дел. Что касается российского города, то Д. Брауэр подчеркивает, что городское общество (сфера гражданской деятельности) включало ценовые слои горожан и образованных граждан. Муниципальная общественная сфера была достаточно автономной и обособленной от царистской администрации. Городское общественное управление внесло свой огромный вклад в развитие сферы гражданской деятельности в дореволюционной России⁴⁵.

В отечественной и зарубежной историографии общественные организации рассматриваются как важные социальные акторы и основные компоненты гражданского общества, констатируется, что «взрыв», «бум» общественной самодеятельности приходится на начало XX в. «Нельзя забывать, — справедливо отмечает А.С. Туманова, — что в России более века назад происходил трудный процесс формирования гражданского общества, одним из проявлений которого было создание широкой сети общественных организаций, удовлетворявших разнообразные интересы российских подданных»⁴⁶. По убеждению А.С. Тумановой добровольные ассоциации являлись институциональной основой формирующегося в дореволюционной России гражданского общества. Однако по ее мнению «приоритет патерналистских методов управления перед правовыми сдерживал развитие

⁴⁵ Brower D. *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850 – 1900*. Berkeley. Los Angeles. Oxford. 1990. P. 93–95.

⁴⁶ Туманова А.С. *Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг.* Тамбов, 2002. С. 4,7.

гражданского общества, приводил к конфронтации власти и общественности, искажал вектор модернизационного процесса, обуславливая в конечном итоге его протекание по наиболее радикальному варианту и сползание страны в революцию»⁴⁷. История отдельных типов общественных организаций дореволюционной России (на общероссийском или региональном уровнях) исследована в исторических трудах И.Г. Филиппова, А.Д. Степанского, М.В. Михайловой, И.Г. Косихиной, А.С. Тумановой⁴⁸.

Что касается дефиниции «общественная организация» применительно к имперской России, то в историографии устоялось определение А.Д. Степанского. Под общественными организациями понимаются добровольные, самоуправляющиеся и соответствующим образом оформленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных проблем жизни граждан непромышленного и некоммерческого характера⁴⁹.

Дальнейшее осмысление получила проблема реформирования законодательства об обществах и союзах и административная практика самодержавия в начале XX в. Если представители советской историографии смотрели на добровольные объединения как на «придаток государственного аппарата», то современные исследователи отводят им самостоятельное место в общественной жизни города⁵⁰. А.С. Туманова справедливо отмечает, что «условия провинциальной России, где ритм

⁴⁷ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 290–291.

⁴⁸ Филиппов И.Г. Научно-технические общества России (1866–1917). М., 1975; Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987; Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительские организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1993; Косихина И.Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-х гг. XIX – февраль 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.

⁴⁹ Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980; Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982.

⁵⁰ См. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.

общественной жизни не отличался особым накалом и напряженностью, культурно-просветительская миссия местной общности по развитию образования, научных знаний и эстетической культуры приобретала особую значимость», «добровольные общества способствовали также разрушению культурной обособленности российской провинции»⁵¹

В современной историографии преимущественно на столичном уровне и на примере отдельных регионов исследовалась история клубов в имперской России⁵². В царской России, по примеру западно- и центрально-европейских отношений, основание клубов и объединений вообще и в особенности с политическими целями — происходило с заметной временной задержкой. По замечанию Л. Хэфнера, со временем экономическая, социальная и функциональная элита перенимала дворянскую или западноевропейскую культуру, расширяя при этом привычные общие сословные критерии и формируя, как следствие, сглаживающие или уравнивательные формы⁵³.

Труды Джозефа Бредли, посвященные общественным организациям дореволюционной России, выполнены в русле теории гражданского общества. По его мнению, ядро гражданского общества в самодержавной России создавали светские автономные ассоциации, способствуя формированию гражданской идентичности, вырабатывая навыки самостоятельности в процессе осуществления поставленных целей, создавая свое правовое пространство⁵⁴. В России добровольные организации находились под всевидящим оком самодержавия, средний класс был не многочисленным по срав-

⁵¹ Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII — начала XX века // Отечественная история. 2007. № 6. С. 58.

⁵² Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. / И.С. Розенталь. М., 2007. С. 188–192; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Ключина, Л. Хэфнер. Ульяновск, 2000. С. 483.

⁵³ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Ключина, Л. Хэфнер. Ульяновск, 2000. С. 480, 525.

⁵⁴ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007. С. 30, 99; Bradley J. Voluntary associations in tsarist Russia. Science, Participation And Civil Society. Harvard university press, 2009. 366 p.

нению с Западом. Но даже при авторитарном режиме добровольные ассоциации могли осуществлять коллективные цели и реализовывать проекты, имеющие благотворительную, культурную и научно-прикладную значимость. В жизни ассоциаций активно участвовала не только буржуазия, но и другие группы населения. Важно отметить не только разницу между Россией и Западом, полагает Д. Бредли. По его мнению, опыт российских ассоциаций свидетельствует о многочисленных сходных чертах. Идеи Д. Бредли пересекаются с оценками еще одного зарубежного исследователя Манфреда Хильдермайера, который видит в эволюции публичной сферы в России XIX в. сходные и сравнимые с Германией процессы⁵⁵.

Что касается истории религиозных обществ и светских общественных организаций в городах Урала во второй половине XIX – начале XX в., то и здесь можно говорить о возрастающем научном интересе к истории отдельных обществ, в частности, тех, которые осуществляли благотворительную, научную, культурно-просветительскую, деятельность, занимались организацией досуга горожан, внимании к общественным активистам⁵⁶. Есть первые обобщающие исследования, посвященные отдельным типам светских общественных организаций. В этой связи можно отметить диссертацию Е.П. Пироговой, посвященную истории научно-краеведческих обществ Пермской губернии в пореформенный период⁵⁷. Автору диссертационно-

⁵⁵ Hildermeier M. *Burgher and Town: Typological Differences and Functional Equivalents // Historical concepts between Easten and Westen Europe. New German Historical perspectives. Volume 1.* Berghahn Books, 2007. P. 23–35.

⁵⁶ Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. 1845–1920. М., 1989; Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996; Дашкевич Л.А. Благотворительные общества на Урале в первой половине XIX в. // Вестник Уральского института туризма. Вып. 4. Екатеринбург, 2006. С. 63–73. Братилова Ф.С. Кунгурское городское попечительство о бедных // Ярмарки на Урале. История и современность. Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции «Грибушинские чтения». Кунгур, 2002. С. 129–133; Кашихин Л.С. «Дедушка пермского прогресса». Доктор П.Н. Серебренников. Пермь, 1991; Семенов В.Л. Мироззрение Д.Д. Смышляева (Идейное наследие и судьба пермского либерала). Пермь, 2001; Его же. И.И. Любимов – человек, предприниматель, общественный деятель и меценат. Пермь, 2002.

⁵⁷ Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

го труда удалось установить факт создания 36 научно-краеведческих обществ, возникших по инициативе преимущественно общественности, реже — по инициативе государства, земств.

Заметный вклад в исследование истории некоторых видов общественных организаций внес В.П. Микитюк⁵⁸. История общественных организаций творческой интеллигенции исследована Г.Б. Зайцевым на примере художественной жизни Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в.⁵⁹ Исследования по истории музыкальных кружков (которые во многом действовали как клубы) на Урале позволили существенно углубить представления о формах проведения досуга и городской повседневности в целом, об уровне музыкальной культуры горожан⁶⁰.

В контексте проблемы формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе нельзя недооценивать экономическое и социокультурное значение городской всеобщей и рабочей кооперации (потребительских обществ). В этой связи Д.А. Ковылин подчеркивает: «На протяжении всей истории существования кооперативных обществ, они вели широкую культурно-просветительскую работу, способствовали воспитанию патриотизма, что особенно ярко проявилось в годы Первой мировой войны»⁶¹.

Из новейших работ по истории православных общественных организаций Среднего Урала середины XIX — начала XX вв. следует назвать монографию М.Ю. Нечаевой, по-

⁵⁸ Микитюк В.П. Деятельность Екатеринбургского семейно-педагогического кружка в области физического воспитания и оздоровления детей (историческая справка) // *Лето — 2005. Итоги оздоровительной компании.* Екатеринбург, 2005. С. 21–30; Микитюк В.П. Вольные пожарные общества Урала второй половины XIX — начала XX в. // *Формирование сферы гражданской деятельности в Российской империи (на материалах Урала второй половины XIX — начала XX в.).* Екатеринбург, 2009. С. 63–80; Микитюк В.П. Екатеринбургское общество велосипедистов и любителей физического развития // *Вторые Татищевские чтения.* Екатеринбург, 1999. С. 240–243.

⁵⁹ Зайцев Г.Б. Художественная жизнь Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. // *Известия Уральского государственного университета.* 1997. Вып. 7. С. 109–115.

⁶⁰ См. подр.: *История Урала в период капитализма.* М., 1990. С. 222–238; Вельев С.Е. Урал музыкальный // *Очерки истории Урала.* Екатеринбург, 1996. С. 18–20; Шабалина Л.К., Лазаревич О.Ю. Екатеринбургский музыкальный кружок и его организаторы // *Первые Татищевские чтения.* Екатеринбург, 1997. С. 155–158.

⁶¹ Ковылин Д.А. Кооперация и ее развитие в казачьих станицах Южного Урала во второй половине XIX — начале XX века. Оренбург, 2007. С. 180–181.

священную историю епархиальных отделений Палестинского и Миссионерского обществ, религиозных братств, церковно-археологических обществ, приходских попечительств. Автор доказывает, что эти общества сыграли большую роль в духовном воспитании и просвещении населения Среднего Урала (в сельской местности и в городах), в миссионерской деятельности в XIX – начале XX в. в рассматриваемом регионе⁶². В своих публикациях⁶³ М.Ю. Нечаева обращает внимание и на факты насаждения некоторых общественных организаций «сверху», в русле государственной политики, что дает основание для дальнейшего осмысления специфики становления гражданского общества в нашей стране. Автор дает типологию религиозных общественных организаций в контексте проблемы гражданского общества⁶⁴.

Предметом исследования целого коллектива специалистов стала благотворительность на Урале во второй половине XIX – начале XX в.⁶⁵. Отдельные факты об истории благотворительности на Урале содержатся в исследовании А.Р. Соколова⁶⁶. Феномен общественной благотворительности и некоторые аспекты общественного быта городов Прикамья рассматриваются пермскими учеными в исторических очерках, посвященных отдельным провинциальным городам. В них повествуется о некоторых городских общественных организациях (Чердыни, Соликамска, Кунгура, Осы и Оханска), показана их роль в общественной жизни. Значительный вклад в исследование общественно быта го-

⁶² Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX веков. Екатеринбург, 2008.

⁶³ Нечаева М.Ю. Русская православная церковь и общественные организации на Среднем Урале середины XIX – начала XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 226–234; Нечаева М.Ю. Роль церковно-археологических обществ Среднего Урала в формировании культурной среды региона // Формирование сферы гражданской деятельности в Российской империи (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.). Екатеринбург, 2010. С. 27–47.

⁶⁴ Нечаева М.Ю. Роль церковно-археологических обществ Среднего Урала в формировании культурной среды региона // Формирование сферы гражданской деятельности в Российской империи (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.). Екатеринбург, 2010. С. 27.

⁶⁵ Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001.

⁶⁶ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб., 2006. С. 80.

родов Прикамья внес Г.Н. Чагин⁶⁷. На уральском уровне феноменом женской благотворительности занимается ряд исследователей⁶⁸.

О достижении нового уровня самоорганизации городским социумом в условиях чрезвычайного времени, характере взаимоотношений власти и общества в военные годы свидетельствует диссертационное исследование К.Е. Баженовой, посвященное деятельности организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Среднем Урале в условиях Первой мировой войны⁶⁹.

Подытоживая обзор историографии, можно заключить наличие многогранного исследовательского интереса к проблеме формирования в России гражданского общества. Продолжаются теоретико-методологические поиски в этом направлении исследований, ведутся дискуссии по поводу самих определений «гражданское общества», «сфера гражданской деятельности», «гражданская культура», времени зарождения и особенностях генезиса гражданского общества в России. В конкретно-историческом плане достаточно глубоко на примере отдельных регионов и особенно столичных городов исследованы некоторые аспекты данной проблематики. Значительный скачок в современной историографии был сделан в плане исследования гражданских институтов (городского самоуправления и общественных организаций) на примере столичных городов и отдельных регионов стра-

⁶⁷ Из летописи земли Кунгурской. Пермь, 1967; Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974; Из летописи земли Кунгурской. Пермь, 1967; Из прошлого Чердынского края. Пермь, 1974; Чагин Г.Н. Чердынь: Краткий ист. очерк. Пермь, 1972; Чагин Г.Н. Города Перми Великой. Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004; Чагин Г.Н., Шидов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007; Чагин Г.Н. Общественная жизнь г. Чердыни конца XIX – начала XX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1990. С. 129.

⁶⁸ Дашкевич Л.А. Начало деятельности Пермского дамского попечительства о бедных // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 158–161; Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2007; Сулейманова Р.Н. Деятельность благотворительных обществ на южном Урале в конце XIX – начале XX века: женский вопрос // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 23. № 5. 2008. С. 51–57; Сулейманова Р.Н. В единении – сила! Женские общества в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. Краткий исторический очерк. Уфа., 2008.

⁶⁹ Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов на Среднем Урале в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

ны. Однако проблема формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в. не получила специального, комплексного научного освещения. Уральские исследователи уделяли внимание отдельным светским и религиозным общественным институтам, известным общественным деятелям Уральского региона. Учитывая предшествующие фрагментарные исследования, предлагаемая работа отличается системным, обобщающим подходом, позволяющим оценить исторические особенности формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в.

Второй параграф освещает «Источниковую базу исследования». Из многочисленного комплекса исторических источников второй половины XIX — начала XX в., в диссертационной работе использовались в первую очередь те из них, которые отражают социальные трансформации и институциональные изменения, позволяющие говорить о формировании сферы гражданской деятельности в уральском городе.

Реконструировать общественную жизнь горожан на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. позволяют исторические источники разных видов: законодательные материалы, статистика, делопроизводственная документация, источники, представленные в периодической печати, источники личного происхождения, справочные материалы.

Среди использованных законодательных источников выделяются Городовое положение 1870 г., опубликованное в «Полном собрании законов Российской империи», и Городовое положение 1892 г. из «Свода законов Российской империи». В них содержатся правила и нормы, регулирующие порядок выборов органов городского самоуправления, их структуру и состав, сферы компетенции и распределение полномочий, взаимоотношения с государственной администрацией. О государственном регулировании отношений внутри сословных корпораций, правовом статусе и государственной политике в отношении мещан, купцов и ремесленников свидетельствуют: сборник законодательных актов о мещанских управлениях, составленный Я.М. Вилейшисом; опубликованные в «Своде законов Российской империи» раздел «О городских обывателях» и «Устав о промышленности». Важное

значение для исследования истории религиозных общественных организаций имеют Положение о приходских попечительствах при православных церквях 2 августа 1864 г. и закон «О правилах для учреждения Православных церковных братств». Эти законодательные акты, выявленные в «Полном собрании законов Российской империи» регламентировали состав, сферу компетенции, порядок учреждения и правила функционирования религиозных общественных организаций. В высочайшем указе правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» были даны определения самих понятий общество и союз, профессиональное общество, устанавливался порядок открытия, регистрации и функционирования обществ, их взаимоотношений с полицией и губернской администрацией. В исследовании использовались Положения о городских общественных банках 1862, 1883, 1912 гг.⁷⁰

Наиболее обширным и репрезентативным является массив делопроизводственных материалов сословных корпораций, органов городского самоуправления, общественных организаций светской и религиозной направленности. Это комплекс протокольной документации: журналы и протоколы заседаний городских дум, протоколы заседаний городских управ, мещанских, ремесленных и купеческих управ, общественные приговоры (мещанских, купеческих и ремесленных обществ), журналы и протоколы общественных собраний. Широко использовалась в работе отчетная документация рассматриваемых общественных институтов: отчеты губернаторов, отчеты городских управ, управ мещанских, купеческих и ремесленных, балансы городских общественных банков, годовые отчеты общественных организаций и религиозных обществ (церковно-приходских попечительств, братств и т.д.). Природу взаимоотношений государственной власти и общественных структур раскрывает деловая переписка — предписания губернаторов, переписка органов городского само-

⁷⁰ Высочайше утвержденное Положение о городских общественных банках // Полное собрание законов Российской империи. Т. 37. № 37950. 1965. С. 110–125; Положение о городских общественных банках // Свод законов Российской империи. Устав кредитный. Т. XI. Ч. II. СПб., 1903. С. 219–245; Положение о городских общественных банках // Свод законов российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. I–XII. СПб., Б.г. С. 886–900.

управления с сословными органами самоуправления и исполнительными органами (комитетами и правлениями) общественных организаций. В комплексе делопроизводственной документации присутствуют сметы, доклады, прошения и жалобы горожан, паспорта, рапорты должностных лиц.

Значительная часть делопроизводственных материалов общественных организаций Среднего Урала дореволюционного периода опубликована. Городские общества на Урале (особенно самые активные) охотно печатали свои уставы и отчеты, заботясь о гласности своей деятельности. В отчетах общественных организаций отражена информация о реализации постановлений общих собраний членов того или иного общества, деятельности его руководства, исполнительных органов (в лице совета или правления, которое и составляло ежегодно отчет о деятельности общества), информация об общественном бюджете и его расходовании. Часто к отчету прилагался поименный список членов общества (к сожалению, преимущественно без указания данных о социальной принадлежности и иных данных, которые бы позволяли глубже проанализировать социальный портрет обще-

⁷¹ В областных библиотеках Перми и Екатеринбурга, РГБ и РНБ удалось ознакомиться с Отчетами о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1869, 1871, 1886 и 1900 гг.; Отчетом Общества вспомоществования недостаточным ученикам Алексеевского Екатеринбургского реального училища за срок от 18 октября 1887 года до 21 октября 1888 год; Отчетом Пермского городского попечительства о бедных. За период с 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г.; Отчетом о деятельности Пермского дамского попечительства о бедных за 1868 г.; Отчетом о деятельности «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г. Соликамска и его уезда» за 1900 г.; Отчетом о деятельности Общества Милосердия за 1912 год со дня открытия его 13 ноября 1911 г.; Отчетами о деятельности Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой за 1912, 1913 1914 гг.; Отчетом правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге за 1888 и 1902 гг.; Отчетом Профессионального О-ва служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Екатеринбурга за 1910 год; Отчетом Пермского ремесленного судо-сберегательного товарищества за 1906 год; Отчетом о деятельности Общества уральских горных техников за 1904 и 1905 гг.; Отчетом о деятельности Пермского библиотечного общества имени Д.Д. Смышляева за 1901 год; Отчетом о деятельности общества Пермский «Народный Дом» за 1911 год; Отчетом о деятельности Пермского общества любителей живописи, валяния и зодчества за 1913 год; Отчетом руководителя по устройству хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1896 по 1908 год; Отчетом по операциям Екатеринбургского Общества потребителей рабочих и служащих торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий и кустарных мастерских за 1907 год; Общими отчетами о деятельности общества «Уральский Майский Союз» за 1913 и 1914 гг.; Отчетом Камышловского общества любителей охоты за 1913 г. и др.

ственников)⁷¹. Отчеты составлялись ежегодно и утверждались общими собраниями членов обществ. Иногда общества издавали краткие очерки о деятельности обществ за определенный срок (несколько месяцев или лет, десятилетие или всю историю общества), обобщающие отчетную информацию⁷².

Делопроизводственные материалы сословных самоуправляющихся корпораций в отличие от общественных организаций преимущественно хранятся в архивах центрального и регионального значения. Журналы и отчеты (обычно годовые) органов городского общественного самоуправления в значительной степени опубликованы.

Отдельные доклады и очерки, посвященные тем или иным городским вопросам, создавались по указанию органов городского самоуправления. Например, интересным историческим источником является «Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Гласного городского думы присяжного поверенного К.М. Гавриленко. 1915–1916 гг.»⁷³. Источниковую базу по истории общественной благотворительности дополняет другой труд К.М. Гавриленко «Современная благотворительность и ее задачи»⁷⁴. В нем автор освещал формы и методы благотворительности, положенные в основу деятельности Екатеринбургского городского попечительства о бедных.

В исследовании использовались архивные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА): Ф. 1284 – Департамент общих дел МВД, Ф. 1282 – канцелярия министра внутренних дел, Ф. 1287 – Хозяйственный департамент МВД. В ГАПК (Государственном архиве Пермского края) были исследованы несколько фондов. Основные из них: Ф. 35 – Пермская городская управа; Ф. 65.

⁷² Третьяков А.Н. Краткий очерк учреждения, развития и деятельности Пермского городского общества взаимного страхования имущества от огня. Пермь, 1914; Очерк о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург, 1916; Краткий очерк десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. Б.м., б.г.

⁷³ Гавриленко К.М. Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1917.

⁷⁴ Гавриленко К.М. Современная благотворительность и ее задачи. Екатеринбург, 1917.

— Канцелярия Пермского губернатора; Ф. 141 — Пермская городская мещанская управа; Ф. 207 — Пермская городская ремесленная управа; Ф. 512 — Пермская городская дума. В фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО): 8 (Екатеринбургская городская дума), 62 (Екатеринбургская городская управа) (202), 386 (Екатеринбургская мещанская управа), 644 (Ирбитская городская дума), 645 (Ирбитского мещанского старосты), 658 (Ирбитская городская управа), а также в фонде исторического архива Чердынского государственного музея (ИА ЧГМ): 3 (Чердынская городская управа).

К сожалению, сохранились архивные фонды немногих общественных организаций. Представительные фонды имеют некоторые научно-краеведческие общества, например, в ГАСО — фонд УОЛЕ — Уральского общества любителей естествознания (Ф. 101), в Государственном архиве Пермской области — фонд Пермской губернской ученой архивной комиссии (Ф. 297), фонд Пермского научно-промышленного музея (Ф. 680). В фонде Пермского научно-промышленного музея хранятся источники, связанные с иными общественными организациями Перми: проекты уставов Пермского естественно-исторического общества и Общества любителей изящных искусств и наук, устав Пермского фотографического общества, проект устава Общества изучения Пермского края, информация о его работе. В ГАПК находятся многочисленные фонды других общественных организаций: Пермского ремесленного ссудо-сберегательного товарищества (Ф. 66), Пермского общества взаимного кредита (Ф. 61), Пермского общества взаимного страхования от огня (Ф. 51), Пермского общества приказчиков и служащих в торгово-промышленных предприятиях (Ф. 272). В ГАСО имеются фонды попечительств — Екатеринбургского горного детского приюта Нурова (Ф. 48) и Екатеринбургского городского (Ф. 392), фонд Екатеринбургского отделения императорского русского музыкального общества (Ф. 71), Екатеринбургского общества потребителей, рабочих и служащих торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий и кустарных мастерских (Ф. 20), правления Ирбитского общества взаимного страхования от огня (Ф. 656), Ирбитского попечительского общества о бедных (Ф. 662)⁷⁵. В Соли-

камском краеведческом музее имеются документы по истории Стефановского общества вспомоществования бедным жителям города Соликамска (Ф. 15).

Ключевым источником для исследования общественных организаций являются их уставы. Специфика этих источников во многом вытекает из взаимоотношений обществ и администрации. Однотипность уставов была обусловлена законодательными требованиями (указ 1906 г.)⁷⁶. Значительная часть уставов общественных организаций Пермской губернии опубликована и находится в краеведческих отделах областных библиотек и краеведческих музеях Перми и Екатеринбурга.

Специфичными (насыщенными субъективными оценками) источниками по истории сословных корпораций, органов городского самоуправления, городских общественных организаций и общественной жизни городов Среднего Урала изобилует периодика. Повременные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. рассмотрены в диссертационном исследовании Т.Г. Кожевниковой⁷⁷.

В газетах «Екатеринбургская неделя», «Уральская жизнь», «Пермские губернские ведомости», «Уральский край», «Зауральский край» встречаются выдержки из законодательства, делопроизводства органов городского самоуправления и общественных организаций. В них публиковались выдержки из уставов общественных организаций, газетно-журнальные заметки, объявления в хроникальных и информационных рубриках. Некоторые из них повествовали об открытии тех или иных общественных организаций, отчеты об их заседаниях, о деятельности и общественных мероприятиях, некоторых общественных активистах. К группе личных повествовательных источников можно отнести письма граждан в редакции периодических изданий (эпистолярная по форме группа источников, по содержанию

⁷⁶ Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург, 1996; Государственный архив Пермской области: Путеводитель. Т. 1. Фонды досоветского периода. Пермь, 2005.

⁷⁶ ПСЗ–III. Т. 26. № 27479.

⁷⁷ Кожевникова Т.Г. Печатные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии как источник по истории Урала: Вторая половина XIX – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

иногда близкая к публицистике). В работе использовалась собственно публицистика как самостоятельный вид повествовательных источников. Частично привлекались научные исследования, встречающиеся в повременных изданиях научно-краеведческих общественных организаций (например, Записки УОЛЕ). Использовалась художественная литература, представленная фельетонами, очерками, имеющими не только литературоведческий, но и собственно исторический интерес.

В диссертации анализируются экономическая статистика, отражающая деятельность городских общественных банков⁷⁸. Большую информативную ценность имеют «Историко-статистические таблицы по Пермской губернии», составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств П.А. Голубевым, в частности, материалы о городских доходах и расходах Пермской губернии за 1870–1900 гг.⁷⁹ В другом издании «Материалы по изучению Пермского края» помещены статистические таблицы доходов и расходов по отдельным городам Пермской губернии, составленные также П.А. Голубевым⁸⁰. В работе используется также демографическая статистика Центрального статистического комитета (данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.)⁸¹.

Значительной информационной ценностью обладают статистические таблицы о составе избирательных собраний и органов городского самоуправления, выявленные в фонде хозяйственного департамента МВД (РГИА. Ф. 1287). О численности и составе сословных корпораций свидетельствуют данные Центрального статистического комитета МВД (РГИА. Ф. 1290).

В.А. Весновский в справочнике «Весь Екатеринбург» привел сведения об общественных организациях Екатеринбурга, их расположении, времени открытия, составе руководящих

⁷⁸ Голубев А.К. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. СПб., 1897. С. 170–185.

⁷⁹ Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.

⁸⁰ Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1905. Вып. II.

⁸¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXXI. Пермская губерния. СПб, 1904.

органов⁸². Еще одна справочная книга, в которой собраны данные по всему Уральскому региону и, в частности, информация о существовавших в городах Среднего Урала общественных организациях — книга «Урал Северный, Средний, Южный»⁸³. Статистические данные о численности общественных организаций, руководящем составе отдельных обществ содержится в «Адрес-Календарях и справочных книжках Пермской губернии». Разнообразие сведений в них со временем увеличивалось, в издание включались данные о выборных должностях, благотворительных учреждениях, а в начале XX в. — о зарегистрированных общественных организациях.

Важные оценки и зарисовки общественной жизни конца XIX — начала XX в. оставили в своих воспоминаниях, путевых заметках В.И. Немирович-Данченко, Д.Н. Мамин-Сибиряк⁸⁴. Н. Нестерова-Анфиногорова оставила интересные воспоминания о музыкальном кружке и его активистах, взаимоотношениях в нем⁸⁵; А.Г. Кореванова — автор книги-автобиографии «Моя жизнь», член Союза писателей — о Екатеринбурге в годы Первой мировой войны. Об Обществе любителей изящных искусств в Екатеринбурге и его председателе, избранном 6 января 1896 г., Ю.О. Дютеле писал Алексей Никифорович Батманов, екатеринбургский нотариус, один из создателей Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В.Г. Белинского⁸⁶. Ценным источником для исследования проблемы взаимоотношений общественности и губернской власти являются воспоминания пермского губернатора И.Ф. Кошко⁸⁷.

Во второй главе «Сословные корпорации в уральских городах в конце XIX — начале XX в.» исследованы мещанские, купеческие и ремесленные общества. В первом

⁸² Весновский В.А. Справочник ежегодник. Весь Екатеринбург с планом города Екатеринбурга. Екатеринбург, 1903.

⁸³ Урал Северный, Средний, Южный. Справочная книга. Пг., 1917.

⁸⁴ Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. СПб. 1904; Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. Свердловск, 1951. Т. 12.

⁸⁵ Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С.181–183.

⁸⁶ Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.

⁸⁷ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора Пермь 1911–1914. Екатеринбург, 2007. С. 116, 201–202.

параграфе «Мещанские общества» характеризуется численность, состав и деятельность мещанских корпораций, их взаимоотношения с государственной властью. Установлено, что в конце XIX — начале XX в. в Пермской губернии мещанские общества действовали во всех 15 местных городах. Наиболее многочисленными были мещанские общества в Перми, Екатеринбурге и Кунгуре. Однако полноценных плательщиков в мещанских обществах насчитывалось от 16,7% (в Чердыни) до 33,4% (в Соликамске) от всего общественного состава, в среднем — 22,2%.

Основой самоуправленческой жизнедеятельности мещанских обществ являлся традиционный общественный сход. На этом (сословном) уровне самоуправления существовала непосредственная демократия, не замененная представительной. В Перми, Екатеринбурге и Кунгуре действовали выборные исполнительные органы по мещанскому самоуправлению — мещанские управы, в Ирбите, Камышлове, Красноуфимске, Осе, Оханске, Соликамске, Чердыне, Шадринске — мещанские старосты, в Верхотурье, Алапаевске, Дедюхине, Далматове обязанности по мещанскому управлению возлагались на городского старосту.

Эффективность работы мещанского самоуправления зависела от имущественной и финансовой состоятельности мещанских обществ. В Пермской губернии в 1901 г. 14 мещанских обществ обладали общественными капиталами, исключение составил только Камышлов. «Общие складочные капиталы» обществ составляли от 15 руб. 18 коп. (в Оханске) до 26484 руб. 91 коп. (в Перми). Правда, Камышловское мещанское общество, как и 8 других мещанских обществ этой губернии имели специальные капиталы (предназначенные на определенные цели, чаще всего благотворительные), которые достигали от 426 руб. 45 коп. (в Красноуфимске) до 43000 руб. (в Перми). Однако собственной недвижимостью распоряжались только 3 мещанских общества Пермской губернии: Пермское, Красноуфимское и Оханское. Проанализированы основные направления деятельности органов мещанского самоуправления, в том числе благотворительность, заботы о духовных нуждах и просвещении своих членов. В последней трети XIX — начале XX в. мещанские самоуправляющиеся общества на Урале играли

заметную роль в общественной жизни городов. Несмотря на скудные бюджеты, они осуществляли основные функции, предоставленные им законодательством, отстаивали свои интересы перед государственной и общегородской выборной властью, оказывая социальную помощь своим членам.

Второй параграф посвящен «**Купеческим и ремесленным корпорациям**», роль которых в общественной жизни со временем также уменьшалась. В конце XIX — начале XX в. купеческие общества действовали лишь в Перми и Ирбите. Эти общества были немногочисленными. В Пермском купеческом обществе насчитывалось 97 муж. и 12 жен., в Ирбитском — 82 муж. и 107 жен. Общественный сход являлся представительной властью. Исполнительную власть в обществах выполняли купеческие старосты и их товарищи. В других городах Среднего Урала (даже в Екатеринбурге) к началу XX в. купеческие общества фактически прекратили свое существование. Купцы в меньшей степени было заинтересованы в сохранении сословной корпоративности. Купечество быстрее других сословий трансформировалось в новый социальный слой — буржуазию. Ослабление интереса к купеческой корпорации со стороны ее членов во многом объяснялось активным участием купечества в деятельности добровольных общественных организаций различной целевой направленности.

Жизнеспособнее купеческих были ремесленные сообщества. Однако в конце XIX — начале XX в. численность ремесленных обществ, имеющих свое управление, была невелика. В Пермской губернии существовали три таких общества: в Перми, Екатеринбурге и Кунгуре. Состав ремесленных обществ отличался преобладанием в нем мужчин. Ремесленное управление могло быть полным (при цеховом устройстве) во главе с ремесленным головой и упрощенным (без создания цехов) во главе с ремесленным старшиной. В городах Среднего Урала в конце XIX — начале XX в. полное ремесленное управление действовало только в Екатеринбурге, а в других — Перми, Кунгуре — функционировало упрощенное управление. Давней и устойчивой традицией ремесленного самоуправления был созыв общественного схода как распорядительного органа. Ремесленники прибегали к самообложению для решения сословных нужд. Пермско-

му ремесленному обществу принадлежал капитал в размере 13741 руб., а екатеринбургскому — 21351 руб. В основной сфере компетенции различных сословных институтов самоуправления совпадала. Она предусматривала сочетание собственных сословных интересов (в осуществлении многосторонней социальной политики) с государственными (в частности, при реализации налогообложения). Ремесленные общества и институты их самоуправления не были исключением, выполняя разнообразные функции контроля, социальной защиты, а также хозяйственно-экономические и социокультурные функции. Общества, обладавшие более значительным бюджетом, вели благотворительную и культурную работу. В целом материальная обеспеченность ремесленных обществ являлась достаточно слабой. В конце XIX — начале XX в. сохранялось традиционное корпоративное сознание ремесленников. Однако в новых социально-экономических условиях рубежа XIX—XX вв. происходила постепенная замена более архаичных по характеру ремесленных обществ с их органами самоуправления модными формами самоорганизации ремесленников, например, в лице ссудо-сберегательных товариществ.

Государственная политика в отношении городских сословных корпораций отличалась высоким уровнем централизации и иерархизации власти и населения. Во взаимоотношениях государственной власти и сословных самоуправляющихся корпораций доминировал принцип подданничества. Уровень гражданской культуры подданных (членов сословных корпораций) определялся преимущественно пассивной политической позицией. Вместе с тем, нельзя недооценивать примеры пробуждения гражданской инициативы и роста их самосознания, что позволяет характеризовать сословные общества мещан, купцов и ремесленников как начальную школу гражданственности.

В третьей главе «Городское общественное управление» рассматривается история городского самоуправления на Среднем Урале после городских реформ 1870 и 1892 гг. В первом параграфе «Формирование и состав органов городского самоуправления» исследована законодательная база городского самоуправления, избирательная система и отношение горожан к выборам после городской реформы

1870 г. Проведение выборов гласных городских дум по закону 1870 г. в большинстве городов осуществлялось по двухразрядной системе. Трехразрядная система оказалась приемлемой лишь для Екатеринбурга и Перми. Несмотря на новые принципы всеословности и имущественного ценза, присущие избирательной системе, при выборах гласных сказывалась «сословная психология» уральских избирателей.

Подавляющее большинство лиц, получавших избирательное право в губернских городах Урала, принадлежало к плательщикам сборов с недвижимых имуществ. При выборах на третье четырехлетие, например, из 11 городов Пермской губернии в 9 на долю этих плательщиков приходилось от 70,9% (в Шадринске) до 86,8% (в Осе) от общего числа избирателей. Исключение составляли лишь Алапаевск и Далматов, в которых их удельный вес в общем составе избирателей составлял соответственно 54,4% и 42,9%. Что касается плательщиков сборов с торговых документов, то в Алапаевске на их долю приходилось 37,4% избирателей, в Далматове 35%; в остальных же 9 городах Среднего Урала доля этих избирателей составляла от 3,4% избирателей (в Осе) до 13% (в Шадринске). Третья категория - плательщики оценочного сбора с недвижимых имуществ и сборов с торговых документов - составляла от 8,1% избирателей (в Алапаевске) до 20,5% (в Соликамске).

Выявленные закономерности действовали и в последующее время. На долю избирателей первого разряда в 8 из 11 городов Пермской губернии (по данным выборов на третье четырехлетие по закону 1870 г.) приходилось от 2,3% избирателей (в Ирбите) до 8,8% (в Алапаевске), т.е. их доля в общем составе избирателей не превышала 10%, составляя в среднем 4,1% избирателей. Даже в тех городах, где выборы проходили по двум разрядам, на долю избирателей первого разряда приходилось от 4,6% (в Кунгуре) и до 7,3% (в Верхотурье). Исключение составил Далматов. В городах Пермской губернии, где функционировала трехразрядная избирательная система, на долю избирателей второго разряда приходилось от 6,6% (в Ирбите) до 14,2% (в Алапаевске) от общего количества; в среднем эта доля составляла 9,6% от всего числа избирателей. На долю избирателей третьего раз-

ряда приходилось от 76,8% (в Алапаевске) до 91% (в Ирбите), в среднем их доля составляла 86,1% избирателей.

В тех городах, где действовала двухразрядная избирательная система, избирателей второго разряда насчитывалось от 78,9% (в Далматове) до 92,6% (в Верхотурье) и даже 95,3% (в Кунгуре) от всего количества. В среднем один гласный в первом разряде приходился на 1,5 избирателя, во втором на 8 и в третьем на 40,4. Характерной чертой городских выборов была низкая явка избирателей. Даже в губернском городе Перми основная масса избирателей уклонялась от участия в выборах думских гласных. Свое право голоса реализовывала немногим более $\frac{1}{4}$ пермских избирателей.

Данные по уездным городам подтверждают вывод о невысокой в целом активности избирателей. Примечательно, что на долю избирателей, реализовавших право голоса на основании выплачиваемого оценочного сбора в доход города (выборы по Пермской губернии на третье четырехлетие), приходилось от 35,2% (в Шадринске) до 80,2% (в Верхотурье), в среднем — 58,5% избирателей. Что касается категории плательщиков сборов с торговых документов, то их удельный вес в общем составе голосовавших колебался от 1,6% (в Красноуфимске) до 43,1% (в Кунгуре), в среднем составляя 15,2%. Плательщики оценочного сбора с недвижимости и сборов с торговых документов в числе голосовавших составляли от 12,3% (в Алапаевске) до 51,7% (в Шадринске), в среднем — 28,7%. Получалось, что доминирующая часть избирателей, реально участвовавших в выборах, также относилась к категории плательщиков оценочного сбора с недвижимого имущества. Результатами голосования в Пермской губернии при выборах думских гласных на четвертое четырехлетие были аналогичными.

Низкая явка избирателей была обусловлена рядом причин: недовольством избирателей существовавшими порядками, уровнем политической культуры городского населения, трудностями технического характера при проведении выборов. Число избирателей, участвовавших в выборах гласных на четвертое четырехлетие в Пермской губернии, колебалось в пределах 5,8% от общего количества горожан, обладавших избирательными правами (минимальное в процентном соотношении число) до 49% (максимальное) и в

среднем составляло 24% от общего количества избирателей. В целом ситуация с выборами в городах Урала после реформы 1870 г. напоминала аналогичные процессы, происходившие в других российских городах: избиратели здесь также составляли небольшой процент от общего числа горожан. Для городов Урала было характерно и такое явление, как абсентеизм.

Анализируя данные о количестве избирателей в уральских городах до реформы 1892 г. и ситуацию после нее, можно сделать вывод, что изменение избирательного права вызвало значительное сокращение контингента избирателей. По сравнению с числом избирателей, пользующихся этим правом по закону 1870 г. численность избирателей по Городовому положению 1892 г. во второе четырехлетие в городах Пермской губернии сократилась в 4,2 раза, в третье четырехлетие — в 3,34 раза.

В результате реформы 1892 г. на Урале наблюдалось резкое сокращение и членов городских дум и управ. Положительное значение имело, однако, упразднение Городовым положением 1892 г. трехразрядной избирательной системы, так как создание одного избирательного собрания вместо деления избирателей на разряды значительно облегчало проведение выборов. Несмотря на некоторые недочеты в законодательстве, определенные ограничения в избирательном праве, значительный контроль со стороны государственной администрации, в результате участия в городских выборах формировалась активная гражданская культура той части городского населения, которая обладала правом голоса и реализовывала это право. В городской среде стали появляться общественные деятели нового типа, которым была свойственна активная гражданская позиция с акцентом на общественное служение.

В процентном отношении это была небольшая часть горожан. Преобладающая масса городского населения либо не имела права голоса, либо была индифферентна к делам самоуправления. И все же из всех общественных институтов в российском провинциальном городе именно городское общественное самоуправление было тем стержнем, вокруг которого формировалась сфера гражданской деятельности. Городскому общественному управлению и его представите-

лям были присущи главные черты гражданского общества: добровольность, самоуправление, инициативность. Городская жизнь живо обсуждалась на страницах периодических изданий, привлекая внимание широкой общественности.

Во **втором параграфе «Деятельность выборных органов власти»** проанализированы сфера компетенции и результаты работы городского самоуправления. В городском положении 1870 г. говорилось, что городское общественное управление «в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно». Губернатору предоставлялось право надзора за законностью его действий. Вместе с тем, многие стороны этой деятельности (в т. ч. составление и утверждение городского бюджета, его выполнение) регламентировались законом. Согласно Городовому положению 1892 г., городские головы и члены управы считались людьми, «состоящими на государственной службе». Кроме того, с этого времени губернатор имел право не только утверждения избранных городских голов и членов городского самоуправления, но и их назначения. Губернатору предоставлялось право надзора «за законностью» и «правильностью» действий городского управления.

Сфера компетенции органов городского общественного управления по Городовым положениям 1870 и 1892 гг. была довольно широкой. Ситуация на практике соответствовала той, что устанавливалась законом. С введением Городового положения 1892 г. произошло усиление контроля государственной администрации над городским самоуправлением. В целом же на протяжении последней трети XIX — начале XX в. в работе органов городского общественного управления принципиальных изменений не наблюдалось.

Рассмотрены механизм функционирования органов городского общественного управления: частота и периодичность заседаний городских дум, насыщенность повестки дня заседаний и тематика вопросов, посещаемость гласными заседаний, режим работы городских управ. Несмотря на закономерные недостатки в работе городского самоуправления, в лице отдельных его представителей формировался довольно активный и эффективный управленческий аппарат.

Проанализирована материальная база городского самоуправления, необходимая для успешного решения городс-

ких проблем. Доходы городов Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. постоянно росли. За период с 1870 по 1905 г. они увеличились в 11,2 раза: Верхотурья — в 3,4, Екатеринбург — в 7, Ирбита — в 3,6, Камышлова — в 7,6, Красноуфимска — в 5,4, Кунгура — в 3,9, Осы — в 4,8, Оханска — в 2,6, Соликамска — в 4,3, Чердыни — в 6,5, Шадринска — в 8,6 раза. Городские власти научились справляться с проблемами бюджетных дефицитов. Финансовая деятельность городского самоуправления на Урале в последней трети XIX — начале XX в. во многом определялась успехами в развитии городских общественных банков, которые представляли собой одну из форм муниципальной собственности.

Важным направлением деятельности органов городской выборной власти являлось благоустройство городов. Органы городского самоуправления следили за тем, чтобы при частном строительстве не нарушались генеральные планы городов. Украшением городской архитектуры являлись храмы, общественные и учебные здания, в строительстве которых принимали самое непосредственное участие городские думы и управы. Сфера народного образования в деятельности городского общественного управления занимала далеко не последнее место. Просветительская работа городского самоуправления выражалась также в развитии библиотечного дела. Исследование этих направлений в работе городского самоуправления проливает свет на его общественную природу. Этот тезис аргументируется и при анализе благотворительности, в частности, деятельности комитетов по разбору и призрению нищих, городских попечительств о бедных. Органы городского самоуправления открывали и финансировали благотворительные заведения или по возможности покровительствовали тем, которые создавались по инициативе других общественных сил и государственных структур. Заботясь о благе рядовых горожан, городские власти решали другие актуальные социальные вопросы. В условиях политизации общественной жизни в начале XX в., городские думы и управы занимались поддержанием стабильности.

Органы городского общественного управления охотно пользовались правом присваивать по своему усмотрению, хотя

и с «высочайшего соизволения», звание «почетный гражданин города». Помимо всех прочих социально-профессиональных категорий лиц, это почетное звание получали и некоторые руководители городского общественного управления.

Анализ уральских материалов свидетельствуют, что нельзя недооценивать вклад городского самоуправления в развитие экономики и культуры страны. Конечно, выборные органы городов были инкорпорированы в общую систему государственного управленческого аппарата и, в первую очередь, они являлись проводниками политики центральной и губернской власти. Однако, во-первых, не следует сводить эту политику к «защите интересов эксплуататоров» — государство решало также задачи, связанные с развитием национальной экономики, культуры, повышением обороноспособности страны и пр. Во-вторых, в повседневной деятельности органов городского самоуправления интересы горожан занимали отнюдь не второстепенное место (хотя, безусловно, более близкими им оказывались заботы состоятельной части городского населения).

Реформа 1870 г. (несколько скорректированная в 1892 г.) сыграла прогрессивную роль; она отвечала потребности поступательного развития российских городов и, в частности, городов уральского региона. Органы городского самоуправления успешно сотрудничали с частными лицами, общественными организациями и государственными институтами. Показательно, что при них действовали общественные структуры (комиссии, комитеты и попечительства), которые решали острые социальные вопросы городской жизни. Из всех других структур, имеющих прямое отношение к формированию сферы гражданской деятельности в уральском городе в рассматриваемое время, городское самоуправление обладало наиболее значительной материальной базой и социальным капиталом.

В четвертой главе «Общественные организации» изучен широкий спектр общественных организаций в городах Среднего Урала во второй половине XIX — начале XX в. Ее открывает **первый параграф «Численность и типология общественных организаций, взаимоотношения с местной властью»**, в котором дано определение «общественная организация», перечислены ее главные признаки, проанализи-

рована численность, приведена типология, раскрыты взаимоотношения этих институтов с государственной администрацией и городским самоуправлением. Городским общественным организациям на Среднем Урале в рассматриваемое время были присущи главные признаки общественной организации: добровольность, самоопределение, самоорганизация и самоуправление. В городах доминировали неправительственные, формальные зарегистрированные, некоммерческие общественные организации, которые создавались для достижения социальных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных, научных и иных целей, для развития физической культуры, спорта и туризма, культурного досуга. Некоторые из них можно классифицировать по отраслевой принадлежности — промышленные, сельскохозяйственные.

По самостоятельности принятия решений в уральских городах действовали головные и дочерние общественные организации. По численности членов функционировали крупные (от 100 до 300 членов), средние (около 100), малые (до 50 членов) организации. В списке обществ, внесенных в реестр Пермского губернского по делам об обществах Присутствия на 1914 г., насчитывалось 85 обществ, расположенных в городах Среднего Урала. Анализ сведений показал их неравномерное распределение по населенным пунктам: правления 33 обществ располагались в губернском городе, 20 — в Екатеринбурге. Остальные общества более или менее равномерно (за исключением Дедюхина и Далматова, где какие-либо общественные организации отсутствовали) распределялись по другим городам губернии. Кроме того, в каждом уездном городе (за исключением Осы) Пермской губернии существовало потребительское общество, а в губернском городе их было пять. В некоторых городах Пермской губернии действовали также ссудосберегательные товарищества.

Всего в городах Среднего Урала в рассматриваемое время насчитывалось свыше сотни общественных организаций, преобладали общественные организации инструментального типа. Численность общественных организаций в Перми достигала восьмидесяти, а в Екатеринбурге — пятидесяти (не все из них были долговечными). В Екатеринбурге, где по данным Первой всеобщей переписи населения Российс-

кой империи проживало 43239 жителей обоего пола, одна общественная организация приходилась на 864 человека. Что касается динамики роста общественных организаций, в Екатеринбурге в первой половине XIX в. было создано одно общество, во второй половине XIX в. — 22 (42%), а в начале XX в. — 30 (56%); самыми многочисленными были благотворительные общества.

Общественные организации на Среднем Урале со второй половины XIX в. и особенно в начале XX в. становились серьезной общественной силой. Их многочисленность (особенно в крупных городах рассматриваемого региона) и инструментальный характер этих ассоциаций позволяют говорить о значительном гражданском потенциале уральской общественности. Показательна включенность представителей бюрократии в некоторые общественные организации и их поддержка со стороны местной государственной власти. Несмотря на факты противостояния местной власти и общественности, в целом следует говорить о доминирующей тенденции их взаимопонимания и сотрудничества (особенно на ниве благотворительности). С большим подозрением губернская администрация и полиция относилась к просветительским и профессиональным обществам с широким спектром целей и задач деятельности.

Последующие параграфы главы посвящены характеристике отдельных типов общественных организаций: времени и обстоятельствам появления, их целям и задачам, принципам управления, бюджетам, формам и результатам деятельности. Во втором параграфе «**Благотворительные общественные организации**» исследованы основные типы благотворительных обществ и феномен социального предпринимательства (в лице попечительных обществ о Домах трудолюбия). Значение благотворительности в процессе формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе трудно переоценить. Участие горожан в благотворительности является своеобразным ключом к пониманию гражданской культуры и духовных ценностей, основанных на православной этике, филантропии и идеях гуманизма, патриотизме граждан уральской периферии. В пореформенный период в городах Среднего Урала изменились взгляды на благотворительность, что было связано со всплеском об-

пественной благотворительности. Представления и реальная благотворительная практика эволюционировали с учетом мирового опыта и российской специфики.

В пореформенный период в уральских городах стали открываться многочисленные благотворительные общества. Они консолидировали деятельность городской общности (интеллигенции, духовенства и более состоятельных представителей городского населения). Заметную роль в них играли женщины. В своей деятельности эти организации постепенно эволюционировали от универсальных форм и способов благотворительности к специализированным методам в деле социального призрения. Со временем количество благотворительных обществ и их членов увеличивалось, возрастали их бюджеты, их деятельность приобретала более рациональный характер, становилась эффективнее и плодотворнее. Распространение традиций благотворительности на сферу образования было характерной чертой общественной жизни уральского города и важным элементом общественного сознания.

Если членский состав благотворительных обществ формировался на более широкой основе, то состав обществ взаимопомощи, чему посвящен **третий параграф «Общества взаимопомощи»** обычно охватывал одну или несколько сословных или профессиональных групп (торговых служащих, ремесленников, учителей, техническую интеллигенцию). Исключение составляли Общества взаимного страхования имущества от огня, которые объединяли широкие слои горожан. Это были крупнейшие общества на Урале, которые внесли значительный вклад в развитие страхования, выполняя также функции взаимопомощи. Спектр обществ взаимопомощи в городах Среднего Урала отличался широтой.

На материалах Среднего Урала второй половины XIX — начала XX в. можно видеть процесс формирования профессиональной субкультуры горожан, которая, в значительной степени, поддерживалась формальными профессиональными ассоциациями. Исторический опыт профессионализации на «горнозаводском Урале» интересен своей спецификой, связанной, в частности, с ролью технической интеллигенции в экономической и общественной жизни региона (яркий пример — деятельность Общества уральских горных

техников, которое действовало в Екатеринбурге). Принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных групп горожан.

Общества взаимопомощи представляли собой инструментальную модель общественной организации, но с некоторыми экспрессивными функциями. Они способствовали удовлетворению потребности своих членов в профессиональном и шире – социальном одобрении, поддержке и взаимопомощи. Не только общества взаимопомощи, созданные интеллигенцией, но и большинство обществ, созданные представителями других городских слоев, ставили перед собой задачи повышения культурного уровня своих членов. Наряду с оказанием материальной помощи они активно содействовали развитию новых форм общественного досуга, повышению грамотности и образования.

В четвертом параграфе «Культурно-просветительские общественные организации» рассмотрена деятельность обществ, объединявших художественную и творческую интеллигенцию. Общества и кружки (большинство из которых имели оформленный, легальный характер) имелись не только в таких крупных центрах как Пермь и Екатеринбург, где действовало по нескольку таких организаций, но и в других, даже малых городах Среднего Урала. Они были заметным явлением в общественной жизни уральского города конца XIX – начала XX в. и внесли значительный вклад в развитие городской культуры. Именно с их деятельностью во многом связано появление на Урале музеев и общественных библиотек, развитие профессионального образования, науки и просвещения в городах. Общественные организации в значительной степени восполняли пробелы и недочеты государственной политики в социокультурной сфере, дополняли работу органов городского самоуправления в этой области. О существовании некоторых из этих общественных организаций знали далеко за пределами России. Общественные связи Урала (например, УОЛЕ) с зарубежными странами показательны с точки зрения интеграции российской периферии в мировой культурный процесс.

В пятом параграфе «Общественные организации в сфере досуга» рассмотренный материал позволил заклю-

читать, что во второй половине XIX – начале XX в. в городах Среднего Урала увеличилось число обществ, целью или одной из задач деятельности которых являлась организация досуга горожан. Эти добровольные, самоуправляющиеся организации возникали по инициативе самих горожан. Они успешно сотрудничали с органами городского самоуправления и друг с другом в проведении культурных мероприятий. Первоначально клубы носили сословный характер. В XIX в. Благородные собрания стали одним из первых типов городских общественных организаций в уральских городах, будучи элитарными, закрытыми клубами, действовали в рамках закона, пользуясь покровительством губернатора. Не ограничиваясь развлекательной функцией, эти клубы способствовали развитию просвещения и культуры городского населения в целом, являясь каналами распространения европейских культурных ценностей, идеалов и моды в российской провинции. Со временем городской досуг стал отличаться большим демократизмом. Это видно на примере общественных собраний. Типичными формами культурного досуга горожан становились посещение публичных лекций и выставок, литературных и танцевальных мероприятий, концертов и спектаклей, чтение. Общественные организации имели собственные библиотеки. На основе общности интересов формировалась новая коллективная идентичность. Проведение открытых публичных, культурных мероприятий в залах Общественных собраний, привлекало широкую аудиторию, способствуя проникновению элементов современной культуры в городскую культуру уральцев. В процессе социокультурной модернизации российского провинциального города клубы вносили значительный вклад в развитие культуры досуга горожан и городской субкультуры в целом. Благодаря активной деятельности спортивных обществ в отдельных городах Среднего Урала заметно возрос интерес горожан к спорту. В последней трети XIX – начале XX в. общественные инициативы способствовали зарождению туризма на Урале. Благодаря работе различных общественных организаций городской досуг приобретал все больше публичности.

В результате анализа проблемы, сформулированной в шестом параграфе «Общественные организации в социаль-

но-экономической жизни уральского города», установлено, что общественные организации в городах Урала во второй половине XIX — начале XX в. являлись важным фактором социально-экономической жизни, приносили очевидную пользу, способствуя удовлетворению экономических интересов горожан на локальном уровне. У горожан была устойчивая мотивация к добровольной общественной деятельности и кооперации сил (яркий пример — потребительская кооперация). Многие из них, наряду с экономическими целями, ставили широкие социокультурные задачи, решая социально-экономические проблемы и удовлетворяя духовные потребности своих членов. Некоторые общества развивали экономические идеи, которые по своей сути являлись неотъемлемой составляющей зарождающегося уральского регионализма. Общественные организации были действенными структурами формирующего в России гражданского общества, процесс создания которого как в миниатюре отражался в уральской периферии. Отделяя гражданское общество от экономического, на конкретном историческом материале показано, что было поле их пересечения и взаимовлияния, что структуры гражданского общества способны оказывать позитивное влияние на экономическое развитие.

В пятой главе «**Этноконфессиональные общества**» анализируется история религиозных общественных организаций в городах Среднего Урала. Рассмотренный в первом параграфе «**Православные сообщества**» материал позволил заключить, что в общественной жизни уральского города во второй половине XIX — начале XX в. большую роль играли православные сообщества различного типа: церковно-приходские попечительства, православные церковные братства, благотворительные религиозные общества, общества хоругвеносцев, общества трезвости. Церковные реформы 1860-х гг., способствовавшие созданию церковных попечительств и братств, содействовали оживлению повседневной жизни прихода.

Эти и другие православные организации объединяли представителей духовенства и прихожан, верующих людей независимо от пола и сословной принадлежности. В них насчитывались десятки, а иногда и сотни людей. В ходе создания и деятельности православных сообществ в рассматри-

ваемый период проявились новые черты: нередко инициатива их открытия исходила не только от представителей духовенства, но и от светских людей, со временем все более широким становился спектр этих обществ, наблюдалось более активное подключение мирян к решению церковных проблем (в том числе материальных), показательным было частое руководящее участие мирян в общественных делах (на посту председателя того или иного общества).

Православные общества являлись добровольными, самоуправляющимися организациями с достаточно широкими функциями: собственно религиозными, просветительскими, благотворительными, функцией организации общественного (полезного) досуга. Со временем эти православные общества стали уделять больше внимания вопросам просвещения и развитию культуры городского населения. История православных сообществ свидетельствует, что в РПЦ в рассматриваемое время были общественные силы, способные активно противостоять негативным социальным явлениям. Православные сообщества, различными способами поддерживая общественно-религиозный быт, способствовали сохранению и развитию русской традиционной культуры.

Во втором параграфе «Неправославные этноконфессиональные общества» показано, что после издания закона о веротерпимости в начале XX в. в городах Среднего Урала (прежде всего, в Перми и Екатеринбурге) появилось и успешно действовали национальные и религиозные благотворительные общества, деятельность которых иногда выходила за пределы одного города. Среди них преобладали общества пособия бедным. Деятельность католических и мусульманских благотворительных обществ на Среднем Урале проявлялась в религиозных формах, хотя нередко эти общества проводили мероприятия светского характера. И национальные, и религиозные общества, действовавшие в городах Пермской губернии в начале XX в., прежде всего, осуществляли собственно благотворительную функцию, однако со временем заметно расширялась их социокультурная работа.

Общества уделяли внимание развитию культуры и народного просвещения, а также мерам социально-экономической взаимопомощи. Например, общество пособия бедным

магометанам в Перми со временем преобразовалось в мусульманское культурно-экономическое и благотворительное общество. Общества выполняли интегративную функцию, укрепляя национальную и религиозную идентичность горожан. Несмотря на скромный размах собственно благотворительной помощи, рассматриваемые общества в целом играли заметную роль в общественной жизни уральского города начала XX в. Религиозная благотворительность была характерным явлением для представителей всех мировых религий, проживавших на территории Среднего Урала в начале XX в. За исключением немногих направлений благотворительной работы (небольшая финансовая помощь нуждающимся евреям или полякам для возврата на историческую родину, финансовая поддержка населения Польши в связи с началом Первой мировой войны), неправославные этноконфессиональные общества имели много общего с православными сообществами.

В Заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы и обобщения по ключевым проблемам рассматриваемой темы.

Концепция гражданского общества позволяет анализировать общественные институты и их деятельность, особенности общественной жизни уральского города, обусловленные спецификой российской модернизации. Проведенное исследование показало, что истоки своеобразия российской модели гражданского общества и партисипаторной демократии в нашей стране своими корнями связаны с неполитическими структурами. Очевидно и то, что в условиях существования самодержавного государства в России доминирующей была патерналистская модель взаимоотношений гражданского общества и государства, хотя на отдельных исторических этапах в ней могли появляться и иные оттенки и элементы. В России процесс формирования основ гражданского общества в значительной степени инициировался государственной властью.

Подъем общественной жизни в годы реформ Александра II внес в патерналистскую модель взаимоотношений государства и гражданского общества элемент, несколько напоминающий «модель садовника». Государственная власть способствовала институционализации городского обществен-

ного самоуправления и общественных организаций (особенно в сфере благотворительности). Этот процесс охватывал не только столицы, но и провинциальные города, что видно на примере Урала. Общественность все сильнее осознавала себя как единое целое, несмотря на внутреннюю дифференциацию. Инерция Великих реформ была настолько сильна, что и в последующие годы росла численность частно-правовых обществ, не снизилось, несмотря на усиление государственного контроля, значение и публично-правовых обществ. По мере усиления взаимного отчуждения общества и власти, все заметнее проявлялся конфликтный потенциал общественности. В начале XX в. во взаимоотношениях государственной власти и структур гражданского общества усилился элемент конфронтации. Одной из причин революционных потрясений начал XX в. являлась неурегулированность отношений государственного и общественного начал. Доминирующей моделью взаимодействия государства и гражданского общества в дореволюционной России являлась патерналистская модель, далекая от «модели приводных ремней», типичной для советского периода. Эта модель обеспечивала поступательное развитие гражданского общества во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. в городах Среднего Урала наблюдался рост гражданской инициативы, происходил постепенный процесс формирования сферы гражданской деятельности — особой публичной сферы, промежуточной между индивидом и государством. В ходе государственной реформаторской политики и социальных трансформаций в городах формировались общественные институты, в которых принимала участие значительная часть горожан (прежде всего, представители цензовых слоев, но со временем к участию в них подключались и другие социальные группы), осознавая и отстаивая свои интересы. Реформы Александра II дали импульс развитию общественной самодеятельности, значительно пошатнув государственную монополию на выражение общественных интересов, что началось с реформирования городского общественного самоуправления.

В исследовании раскрыта дуалистичная природа сословных самоуправляющихся корпораций и общегородского общественного самоуправления, которые были инкорпориро-

ваны в общую систему государственного управленческого аппарата, будучи проводниками политики центральной и губернской власти, а с другой стороны отстаивали интересы горожан, выполняя многие функции и решая социальные задачи не по указке государственной власти, а по собственной инициативе. И все же если городским сословным корпорациям и их органам самоуправления в большей степени были присущи признаки пассивной гражданской культуры, то функционирование общегородского общественного самоуправления было символом активной гражданской культуры. Неудивительно, что этот дуализм, присущий городскому общественному самоуправлению, порождал дискуссии в научной литературе (общественная и государственная теории городского самоуправления).

В результате участия в городских выборах формировалась активная гражданская культура той части городского населения, которая обладала правом голоса и реализовывала это право. В городской среде стали появляться общественные деятели нового типа, которым была свойственна активная гражданская позиция с акцентом на общественное служение. В процентном отношении это была небольшая часть горожан. И все же из всех общественных институтов в российском провинциальном городе именно городское общественное самоуправление было тем стержнем, вокруг которого формировалась сфера гражданской деятельности.

При городском общественном управлении действовали общественные структуры (комиссии, комитеты и попечительства), которые решали острые социальные вопросы городской жизни. Из всех других структур, имеющих прямое отношение к формированию сферы гражданской деятельности в уральском городе в рассматриваемое время, городское самоуправление обладало наиболее значительной материальной базой и социальным капиталом.

Постепенно сфера гражданской деятельности расширялась с появлением различных обществ как религиозного, так и светского характера. Возникновению самоуправляющихся общественных организаций способствовала в целом достаточно лояльная политика органов городского самоуправления и губернской администрации. Проанализировав спектр обществ в городах Среднего Урала в рассматриваемое

мое время, можно говорить о его широте и разнообразии. Большую роль в повседневной жизни уральского города играли православные сообщества различного типа. Национальные и религиозные формы общественного быта обуславливались особенностями многонационального и поликонфессионального состава городского населения Среднего Урала. Показательно что среди светских общественных организаций в городах Среднего Урала в рассматриваемое время преобладали общества инструментального типа, которые ставили важные задачи преобразования социально-экономической и социокультурной действительности. Еще одна особенность ассоциативной жизни в уральских городах второй половины XIX — начала XX в. связана с всплеском светской общественной благотворительности.

В общественной жизни и общественном сознании горожан удивительным образом переплетались традиции и новации, общинные традиции демократизма, традиционной взаимовыручки сочетались с новыми прогрессивными чертами, связанными, например, с профессионализацией. Социально-экономическая специфика Уральского региона влияла на особенности общественной жизни городов, что можно видеть на примере обществ взаимопомощи.

Развитие культуры сопровождалось появлением обществ, объединявших интеллигенцию. Добровольные ассоциации давали возможность талантливым людям удовлетворять свои культурные интересы, демонстрировать свои таланты и знания, проявлять лидерские способности на общественном поприще, помогали развитию независимой личности. Ассоциации предлагали новые формы самоопределения и общения между людьми в сфере филантропии, покровительству культуре, демократизации знаний.

На особенности общественной жизни влиял административный статус городов, их «биография» с учетом возраста, численности и специфики демографического состава населения. Это заметно при анализе общественного досуга горожан, хотя и здесь имелись некоторые общие черты, характерные для городов Среднего Урала второй половины XIX — начала XX в. И в больших, и в малых городах увеличилось число обществ, целью или одной из задач деятельности которых являлась организация отдыха горожан. В такие круп-

ные, относительно молодые городские центры, как Пермь или Екатеринбург, новые формы досуга проникали значительно быстрее, тогда как в других городах дольше сохранялись традиционные формы времяпрепровождения. Само многообразие общественных организаций в сфере городского досуга явилось следствием дифференциации культурных ценностей, развития городской культуры в целом.

После издания Манифеста 17 октября и в связи с ростом гражданских прав и свобод заметно увеличилась численность общественных организаций в городах Среднего Урала. Общественные организации вносили значительный вклад в экономическое и социокультурное развитие городов. С их деятельностью во многом связано появление на Урале музеев и общественных библиотек, развитие профессионального образования, науки и просвещения, зарождение спорта и туризма. Общественные организации в значительной степени восполняли пробелы и недочеты государственной политики в социокультурной сфере, дополняли работу органов городского самоуправления в этой области.

Трансформация традиционных форм общественной самоорганизации и появление общественных организаций нового типа, основанных на принципах демократизма, являются важными индикаторами эволюции гражданского общества в России второй половины XIX – начале XX в. (от «сословно-корпоративного» типа к современному). Этот процесс происходил, несмотря на традиции сильной государственной власти в России, немногочисленность буржуазии и крепость консервативных начал. Институты гражданского общества выполняли многие общественные задачи, которые ранее являлись монополией государства. Гражданская активность уральцев проявлялась через многочисленные неполитические ассоциации и органы самоуправления. В эту сферу гражданской деятельности постепенно включались представители не только «верхушки» городского общества, но и представители средних и даже низших слоев городского населения.

Специфическими элементами общественного сознания горожан (или групп горожан) в новое время являлось осознание себя общественностью, понимание необходимости консолидации для защиты общественных интересов и диалога

с властью. В это время закладывался фундамент социального доверия и сотрудничества. Несмотря на усиление в общественном сознании элементов, обусловленных формированием собственно активной гражданской культуры, на протяжении всего периода оставались значимыми компоненты, связанные с осознанием горожанином себя как прихожанина и подданного (управляемого). Уральские примеры свидетельствуют о том, что активные граждане-горожане сохраняли свои традиционалистские связи, участвуя в деятельности не только светских, но и религиозных общественных структур, в приходской жизни. Показательно, что многие представители городского самоуправления совмещали членство в различных городских обществах, что иногда предполагало социальный статус, но чаще люди занимались общественными делами по велению души и сердца. В городской среде формировался новый тип общественного деятеля, которому были близки идеи просветительства и общественного служения.

Исследование показало, что общественной жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в. были присущи черты переходного времени, обусловленные сочетанием традиционных явлений и инновационных начал, процессом формирования сферы гражданской деятельности.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИСЕЕРТАЦИИ

Монографии:

1. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008. 289 с. (18,25 п.л.)
2. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. 92 с. (5,34 п.л.)

Разделы в коллективных монографиях:

1. Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. (Очерки). Екатеринбург, 2002 (авт. – 2,5 п.л.)
2. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. (авт. – 4,3 п.л.)
3. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. (авт. – 1,3 п.л.)

4. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. (авт. – 9 п.л.)

5. Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011 (авт. – 10,8 п.л.).

**Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах
(в соответствии с перечнем ВАК):**

1. Городское самоуправление на Урале последней трети XIX – начале XX века в историографии // Уральский исторический вестник. № 7. 2001. С. 187–215 (1,8 п.л.).

2. Власть и общество в уральской провинции во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. № 10–11. 2005. С. 81–92 (0,8 п.л.).

3. Общества взаимопомощи Перми и Екатеринбурга в конце XIX – начале XX века как социокультурный феномен // Известия Уральского государственного экономического университета. 2006. № 5 (17). С. 200–209 (0,7 п.л.).

4. Благородные собрания Перми и Екатеринбурга в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2010. С. 81–84 (0,5 п.л.).

5. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия УрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 113–126 (1 п.л.).

6. Моделирование гражданского общества в современном историографическом дискурсе (Россия второй половины XIX – начала XX в.) // Уральский исторический вестник. № 3 (28). 2010. С. 57–63 (0,7 п.л.).

7. Общественные организации как фактор социально-экономической жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX века // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 2 (28). С. 151–156 (0,6 п.л.).

8. Исторический опыт социального предпринимательства на Урале // Известия УрГЭУ. 2010. № 6 (32). С. 130–134 (0,5 п.л.).

9. Женщина в общественной жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в.: культурно-просветительская деятельность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 1. С. 4–11 (0,8 п.л.).

10. Общественные собрания в повседневной жизни Уральского города во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 111–116 (0,5 п.л.).

11. Городское самоуправление и общественная благотворительность на Среднем Урале в последней трети XIX – начале XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3. С. 69–75 (0,5 п.л.).

**Публикации в сборниках научных трудов
и материалах конференций:**

1. Источники по истории городского самоуправления на Урале в последней трети XIX – начале XX в. // Документы. Архив. Ис-

тория. Современность: сб. мат. регион. науч.-практ. конф. Ч. I. Екатеринбург, 2000. С. 86–93 (0,3 п.л.).

2. Городское самоуправление на Южном Урале в последней трети XIX – начале XX в. // Третьи Татищевские чтения: тез. док. и сообщ. Екатеринбург, 2000. С. 93–97 (0,2 п.л.).

3. Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые уральские военно-исторические чтения: мат. регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 7–9 (0,1 п.л.).

4. Мещанское самоуправление в городах Урала и Зауралья (последняя треть XIX – начало XX в.) // Русские старожилы: мат. III-го Сибирского симпозиума. Тобольск-Омск, 2000. С. 135–137 (0,2 п.л.).

5. Губернаторские отчеты как источник по истории городского самоуправления на Южном Урале в конце XIX в. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Тез. док. и сообщ. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 21–23 (0,1 п.л.).

6. Городские общественные библиотеки на Урале во второй половине XIX – начале XX века // Человек и общество в информационном измерении: мат. регион. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 79–86 (0,2 п.л.).

7. Государственная власть и городское самоуправление (по материалам Урала последней трети XIX – начала XX в.) // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2001. С. 138–145 (0,3 п.л.).

8. Традиции и новации в сознании горожан (по материалам уральских газет последней трети XIX – начала XX в.) // Традиционная культура Урала. Альманах. Екатеринбург, 2001. Вып. I. С. 131–139 (0,4 п.л.).

9. Сфера компетенции и организация работы органов городского самоуправления (по материалам Среднего Урала в последней трети XIX – начале XX в. // Историческая наука на рубеже веков: ст. и мат. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 201–209 (0,6 п.л.).

10. Традиции и новации в городском самоуправлении (по материалам Урала последней трети XIX – начала XX в.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX – XX вв.: сб. ст.. СПб., 2001. С. 6–20 (0,9 п.л.).

11. Изменения во внешнем облике и инфраструктуре городов Среднего Урала в последней трети XIX – начале XX в. // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001. С. 108–120 (0,8 п.л.).

12. Повседневная жизнь уральского города в годы первой мировой войны // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001. С. 121–132 (0,8 п.л.).

13. Праздники в Екатеринбурге (по материалам периодических изданий начала XX в.) // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 153–156 (0,2 п.л.).

14. Городское самоуправление Перми в последней трети XIX – начале XX в. // Путь в историю, пути в историю...: сб. ст. и воспоминаний. Пермь, 2002. С. 156–162 (0,3 п.л.).

15. Мещанское самоуправление в Екатеринбурге в период правления Николая II // Династия Романовых в истории и культуре России: мат. науч.-богосл. конф. Екатеринбург, 2002. С. 92–97 (0,2 п.л.).

16. «В увековечение памяти Государя императора Александра II» // Династия Романовых в истории и культуре России: мат. науч.-богосл. конф. Екатеринбург, 2002. С. 142–148 (0,2 п.л.).
17. Благотворительность в городах Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX в. // Милосердие и благотворительность в российской провинции: тез. док. Всерос. конф. Екатеринбург, 2002. С. 31–35 (0,2 п.л.).
18. Городская власть и общественные библиотеки на Урале в последней трети XIX – начале XX в. // Библиотечное краеведение Урала как феномен провинциальной культуры: избр. мат. межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 14–22 (0,4 п.л.).
19. Деятельность земств по распространению агрономических знаний на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.) // Агрικультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 62–81 (1,2 п.л.).
20. Вклад земств в распространение агрономических знаний среди населения Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. // Четвертые Татищевские чтения: тез. док. и сообщ. Екатеринбург, 2002. С. 39–44 (0,2 п.л.).
21. Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Екатеринбурге // Урал в военной истории России: традиции и современность: мат. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 282–287 (0,3 п.л.).
22. Благотворительные общества в уральских городах во второй половине XIX – начале XX в. // Историческое пространство России: инерция и трансформация: мат. Всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 52–55 (0,2 п.л.).
23. Екатеринбургская городская дума // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 178–180. (авт. – 0,2 п.л.).
24. Городовые положения // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 135 (0,1 п.л.).
25. Городское общественное управление // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 135–137 (0,3 п.л.).
26. Городской голова // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 139–140 (0,2 п.л.).
27. Городское самоуправление Соликамска после городской реформы 1870 г. // Государственные органы власти и местное самоуправление: мат. науч.-практ. конф. Соликамск, 2003 (0,1 п.л.).
28. Религиозные благотворительные общества на Урале в конце XIX – начале XX в. // Благотворительность в России. СПб., 2003. С. 256–258 (0,1 п.л.).
29. Введение // Главы Екатеринбурга». Екатеринбург, 2003 (0,2 п.л.).
30. Праздники в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX в. // Традиционная культура Урала. Альманах. Екатеринбург, 2003. Вып. III. С. 129–138 (0,5 п.л.).
31. Православная Церковь и городское самоуправление на Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России: сб. науч. тр. Тюмень, 2004. Вып. 2. С. 184–195 (0,7 п.л.).

32. Православные сообщества в городах Урала во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 114–152 (2 п.л.).

33. Православные братства на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. ст. Челябинск, 2004. С. 371–379 (0,6 п.л.).

34. Роль православных обществ в формировании морали и нравственности (на примере городов Среднего Урала конца XIX – начала XX в. // Пятые Татищевские чтения: тез. док. и сообщ. Екатеринбург, 2004. С. 133–140 (0,2 п.л.).

35. Православные сообщества в городах Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX в. // Вторые Чупинские краеведческие чтения: мат. конф. Екатеринбург, 2004. С. 114–126 (0,5 п.л.).

36. Интеллигенция и общественные организации Екатеринбурга в конце XIX – начале XX века // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития: мат. науч. конф. Екатеринбург, 2004. С. 160–163 (0,2 п.л.).

37. Ремесленные общества в уральских городах в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 101–113 (0,6 п.л.).

38. Сельскохозяйственные общества на Урале в начале XX в. // Пахари и агрономы Урала в XVIII – начале XX в.: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2004. С. 99–137 (2 п.л.).

39. Благотворительность в Кунгуре во второй половине XIX – начале XX века // Грибушинские чтения – 2004: тез. док. и сообщ. IV регион. науч.-практ. конф. Кунгур, 2004. С. 193–197 (0,2 п.л.).

40. Традиции общественного самоуправления на уральских заводах во второй половине XIX – начале XX в. // Общественное сознание и быт населения горнозаводского Урала (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 111–129 (1 п.л.).

41. Горнозаводское население Урала и выборы в первую Государственную думу // Общественное сознание и быт населения горнозаводского Урала (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 130–138 (0,5 п.л.).

42. Празднование 900-летия крещения Руси в городах Урала // Радуйся, Заступнице Усердная рода христианского: мат. Всерос. правосл. науч.-богосл. конф. (с междунар. уч.). Екатеринбург, 2005. С. 265–267 (0,1 п.л.).

43. Духовное просвещение и благотворительность в городах Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. // История Православия на Урале: мат. церковно-истор. конф. Екатеринбург, 2005. С. 11–14 (0,3 п.л.).

44. Уральское областничество в 1918 г.: в поисках региональной идентичности // Глобальное пространство культуры: мат. междунар. науч. форум. СПб., 2005. С. 338–341 (0,2 п.л.).

45. Новации в городском быту на Урале в конце XIX – начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Сб. статей. Челябинск, 2005. С. 103–115 (0,7 п.л.).

46. Религиозные и национальные благотворительные общества в городах Среднего Урала в начале XX в. // Национальные куль-

туры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: мат. конф. Екатеринбург, 2005. С. 24–39 (0,6 п.л.).

47. Уральское областничество: идеология и общественное движение // Урал индустриальный. Бакунинские чтения.: мат. VII Всерос. конф. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 154–159 (0,2 п.л.).

48. Городские общественные банки на Урале накануне и в эпоху Великих реформ // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.: мат. междунар. научн. конф. Екатеринбург, 2005. С. 74–78 (0,2 п.ч.).

49. Общественное движение и проблемы охраны природы в Екатеринбурге в начале XX в. // Третьи Чупинские краеведческие чтения: мат. конф. Екатеринбург, 2006. С. 88–101 (0,5 п.л.).

50. Общества взаимопомощи ремесленников на рубеже XIX–XX вв. (на примере Перми и Екатеринбурга) // Шестые Татищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 215–220 (0,2 п.л.).

51. Социальные трансформации в процессе модернизации и роль женщины в общественной жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в. // Строгановское историческое собрание: мат. конф. историков и краеведов Пермского края. Пермь, 2006. С. 117–125 (0,3 п.л.).

52. Роль городского самоуправления и общественных организаций в развитии благотворительности в городах Среднего Урала в последней трети XIX – начале XX в. // Административно-территориальные реформы в России. Пермь, 2006. С. 197–204 (0,3 п.л.).

53. Урал в XVIII – начале XX в.: Поиски региональной идентичности // Уральский исторический вестник. 2007. № 15. С. 56–66 (0,8 п.л.).

54. Общественный быт уральского города второй половины XIX – начала XX в. в историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 34–40 (0,3 п.л.).

55. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII – начала XX в.: достижения историографии // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2007. С. 3–13 (0,5 п.л.).

56. Феномен женской благотворительности (по материалам уральского города во второй половине XIX – начала XX в.) // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2007. С. 14–29 (0,9 п.л.).

57. Праздничная культура и историческая память городского населения Урала в конце XIX – начале XX в. // V междунар. науч.-практ. конф. Проблемы устойчивого развития городов: сб. науч. ст. и мат. Миасс, 2008. С. 261–264 (0,2 п.л.).

58. Роль интеллигенции и общественных организаций в популяризации научных знаний среди городского населения Урала во второй половине XIX – начале XX в. // Культура Урала в XVI – XXI вв.: исторический опыт и современность. Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 207–216 (0,3 п.л.).

59. Взаимоотношения местной власти и городских общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт националь-

ного развития: мат. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2008. С. 365–373 (0,5 п.л.).

60. Роль чиновников в городском общественном управлении Перми во второй половине XIX в. // Бюрократия и бюрократы в России в XIX–XX веках: общее и особенное. М., 2008. С. 180–186. (0,3 п.л.)

61. Благородные собрания Перми и Екатеринбурга во второй половине XIX в. // Русский мир: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2008. С. 153–159 (0,3 п.л.).

62. «Этой теме не избежать газетных страниц»: фельетон как исторический источник по повседневности уральского города второй половины XIX – начала XX в. // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 346–353 (0,4 п.л.).

63. Модернизация и формирование гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 63–74 (0,5 п.л.).

64. Роль городских общественных организаций в развитии образования на Среднем Урале в конце XIX – начале XX в. // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты, личности: мат. XIII Всерос. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 74–83 (0,4 п.л.).

65. Культурно-просветительская деятельность музеев в городах Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. // Грибушинские чтения-2009: тез. докл. и сообщ. VII межрегион. науч.-практ. конф. Кунгур, 2009. С. 409–415 (0,3 п.л.).

66. Дискуссии о происхождении гражданского общества в России // Материалы Всероссийской конференции «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России». Краснодар, 2009. С. 185–188 (0,1 п.л.).

67. Положение и роль женщины в городском социуме в процессе модернизации // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 336–344 (0,5 п.л.).

68. Истоки страхования на Урале // Региональное измерение экономической истории России XX века. Екатеринбург, 2008. С. 12–21 (0,4 п.л.).

69. Европейские инновации в повседневной жизни российского провинциального города (по материалам Урала второй половины XIX – начала XX в.) // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: сб. мат. Всерос. конф. Екатеринбург, 2009. С. 366–390 (1,2 п.л.).

70. Диффузия социальных институтов в новое время: российский и европейский опыт городского самоуправления // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2009. Вып. XII. С. 98–108 (0,5 п.л.).

71. Праздники интеллигенции в российской провинции в конце XIX – начале XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат. IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 321–324 (0,2 п.л.).

72. Праздник древонасаждения в городах Урала в начале XX в. // Четвертые Большаковские чтения. Оренбург, 2009. С. 179–184 (0,3 п.л.).

73. Праздничный досуг жителей Перми и Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в. // Сб. мат. междунар. науч.-практ. конф.: «Регионы России: история, культура, экономика». Березники, 2009. С. 339–342 (0,3 п.л.).

74. Общественные организации как фактор социально-экономической жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в. // Экономика и культура.: мат. III Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 121–133 (0,8 п.л.).

75. Туризм и вопросы охраны природы: исторический опыт уральского региона // Эко- и агротуризм: перспективы развития на локальных территориях: тез. док. II междунар. науч.-практ. конф. Барановичи, 2010. С. 146–150 (0,2 п.л.).

76. Общественные связи Урала с зарубежными странами в конце XIX – начале XX в. // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX вв.: мат. XVI Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 2010. С. 38–43 (0,3 п.л.).

77. Общественные организации Екатеринбургa в XIX – начале XX в.: численность, типология и специфика // Восьмые Татищевские чтения: док. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 234–239 (0,3 п.л.).

78. Православное духовенство в общественной жизни городов Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 61–63 (0,3 п.л.).

79. Вклад городских общественных организаций в распространение книжной культуры на Среднем Урале в конце XIX – начале XX в. // Формирование сферы гражданской деятельности в Российской империи (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2010. С. 48–62 (0,8 п.л.).

80. Источники по истории городских общественных организаций на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Документ. Архив. История. Современность.: мат. III Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 167–174 (0,3 п.л.).

81. Общественные инициативы в истории уральского туризма // Современные проблемы и перспективы развития туризма, сервиса и консалтинга в поликультурном пространстве: мат. I междунар. науч.-практ. конф. Пятигорск, 2010. С. 75–82 (0,5 п.л.).

82. Женский социальный опыт и формирование гражданской идентичности в ходе российской модернизации второй половины XIX – начала XX в. // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: мат. Третьей междунар. науч. конф. М., 2010. С. 14–22 (0,3 п.л.).

83. Сельскохозяйственные общества и модернизационные процессы в аграрной сфере на Урале в начале XX века // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв.: макро- и микропроцессы: сб. ст. Оренбург, 2010. С. 354–361 (0,5 п.л.).

84. Потребительская кооперация на Урале в конце XIX – начале XX века // Грибушинские чтения-2011: тез. док. и сообщ. VIII Всерос. науч.-практ. конф. Кунгур, 2011. С. 169–174 (0,3 п.л.).

85. Общественные организации интеллигенции как отражение процесса профессионализации в Уральском социуме в начале XX в. // Личность в истории: теоретико-методологические и методи-

ческие аспекты: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. Ч. I. С. 167–173 (0,3 п.л.).

86. П.А. Столыпин — почетный гражданин Екатеринбурга // Россия. Земля. Крестьянство. Курган, 2011. С. 212–216 (0,3 п.л.).

87. Формирование сферы гражданской деятельности в Оренбурге в конце XIX – начале XX в. // Пятое Большаковские Чтения. Альманах. Оренбург, 2011. С. 195–203 (0,4 п.л.).

88. Формирование гражданского общества в контексте российской модернизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 126–138 (0,7 п.л.).

Подписано в печать 30.09.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. 3. Тираж 200 экз.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.
E-mail: bki@sky.ru

